

Евгений Хацкельсон

Бриллиантовая заколка

Ласкер, Капабланка,
Алехин, Ботвинник

Евгений Хацкельсон
Бриллиантовая заколка.
Судьбы великих
шахматистов XX века

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18531993

ISBN 9785447479251

Аннотация

Книга посвящена четырем гениальным шахматистам XX века – чемпионам мира Ласкеру, Капабланке, Алехину и Ботвиннику. В тетралогии прослеживается жизнь и творчество знаменитых виртуозов в историческом контексте эпохи: русской революции, русской эмиграции, прихода к власти в Германии нацистов, сталинских репрессий, двух мировых войн. Каждая часть тетралогии написана с точки зрения главного героя. В книге содержатся также творческие и личностные портреты чемпионов мира Смыслова, Таля и Петросяна.

Содержание

Последний сеанс	5
Бриллиантовая заколка	56
Конец ознакомительного фрагмента.	96

**Бриллиантовая заколка
Судьбы великих
шахматистов XX века
Евгений Хацкельсон**

© Евгений Хацкельсон, 2016

© Ольга Несмелова, иллюстрации, 2016

© Марина Евтушенко, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4474-7925-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Последний сеанс

Второй чемпион мира по шахматам Эммануил Ласкер

Напряженный и жаркий день в Бостоне близился к завершению. В большом зале шахматного клуба прямоугольником стояли сорок шахматных столов, за которыми сидели

любители разных возрастов и оттенков кожи, а внутри прямоугольника вдоль столов неторопливо расхаживал пожилой седовласый человек небольшого роста с большим крючковатым носом и седыми усами. Он был в черных брюках и светлой рубашке с короткими рукавами. В руках у него была неизменная гаванская сигара, он периодически подносил ее ко рту и выпускал вверх клубы густого ароматного дыма. Любители не жаловались: все знали, что экс-чемпион мира по шахматам Эммануил Ласкер никогда не расстанется со своими любимыми сигарами. Это одна из его особенностей и знаменитых причуд. Но разве ароматный дым сигары может воспрепятствовать истинному ценителю шахмат в его намерении увидеть вблизи самого великого Ласкера? И не только увидеть, но и сразиться с ним за шахматной доской? Проиграть ему не зазорно, а если вдруг, чем черт не шутит, удастся свести партию вничью, то потом можно будет как-нибудь в компании небрежно сказать: *«Да, было дело летом сорок первого, сыграл я партию в Бостоне вничью с Ласкером. Неплохо еще играл старик, а ведь семьдесят два года уже ему было!»*

Потрясающее можно произвести впечатление сообщением о своей ничьей, а тем более победе над самим Ласкером. А можно ли выиграть у шахматиста такого класса в сеансе одновременной игры? В принципе можно. Все великие шахматисты проигрывали отдельные партии в сеансах с рядовыми любителями этой игры, древней и мудрой, как сама

жизнь. В этом нет ничего удивительного, ведь сеанс на тридцати-сорока досках при кажущейся внешней простоте очень утомителен для любого мастера. Мозг вынужден мгновенно переключаться с одной позиции на другую, постоянно просчитывать варианты и восстанавливать свои планы и замыслы по каждой партии. Но ведь мало этого, такие сеансы создают еще и большую физическую нагрузку для гроссмейстера. Сколько надо сделать шагов, чтобы обойти круг один раз, сколько наклонов, сколько взмахов руки?

Именно на такую тему и размышлял в этот момент Эммануил Ласкер, вспоминая, как замечательный советский мастер Николай Рюмин, талантливый шахматист и очень больной человек, жаловался ему, что труднее всего ему даются во время сеансов эти бесконечные наклоны и движения рук над доской. А, в самом деле, сколько в среднем раз приходится мастеру сделать наклонов и движений рук? Если всего 40 досок, а в одной партии в среднем пятьдесят ходов, то получается, что примерно две тысячи. Немало. И это еще без учета постоянного перемещения от столика к столику. Так рассуждал сам с собой Ласкер, делая ходы почти автоматически. Ведь, разыгрывая дебюты, особенно думать не надо. За тебя работает теория, дама хоть и подслеповатая, как выразился однажды известный шутник Савелий Тартаковер, но вполне благоразумная и в большинстве случаев очень надежная. Если любитель знает, как надо играть тот или иной дебют, то он и разыгрывается. Ну, а если нет,

то первая же ошибка безнадежно ухудшит его положение, и он очень быстро проиграет мастеру без малейших усилий со стороны последнего. Вот как раз тот случай! – отметил Ласкер, забирая выигранного им черного слона на девятнадцатой доске. Его противник имел весьма приблизительное представление о славянской защите, и партия была уже практически выиграна.

Так что теория – это большой помощник для любого гроссмейстера, – продолжал рассуждать сам с собой экс-чемпион мира, – но, к сожалению, она не помогает выдерживать физические нагрузки. Недаром действующий чемпион мира Александр Алехин так любит давать сеансы вслепую. Хитрец! Ведь при этом ему не нужно ходить по кругу и самому передвигать фигуры. Ласкер даже тихонько засмеялся в свои пышные усы от этой шутки, которая так неожиданно пришла ему в голову. На самом деле всем известно, что сеанс одновременной игры вслепую на порядок сложнее, чем обычный. Обычному человеку даже одна партия вслепую кажется фантастическим трюком. Чего уж там говорить про сеанс! Из современных гроссмейстеров такое иногда проделывали Капабланка, Рети, Нимцович, сам Ласкер, но сеансы вслепую игрались ими не более чем на трех-четырёх досках. Алехин – другое дело. Этот шахматный кудесник способен вести бой вслепую на нескольких десятках досок, и он это делал с ранней юности. Тут нужен особый дар, особое устройство мозга. И свой дар Алехин активно использовал тогда, когда

ему нужно было убедить меценатов развязать свои тугие кошельки и дать деньги на матч с Капабланкой. Сам же Ласкер и посоветовал в далеком 1924-ом году упорному претенденту на шахматный престол провести побольше таких сеансов, чтобы убедить весь шахматный мир в своей гениальности.

– В наше время главное – это реклама, – сказал он тогда русскому шахматисту, – если ее не хотят Вам делать другие, делайте ее себе сами.

Алехин последовал совету своего мудрого наставника и провел множество сеансов вслепую, выпустил сборник ста своих лучших партий, в которых он проводил самые головоломные комбинации. В 1925 году Алехин взял первые призы в крупнейших турнирах, и, наконец, в 1927 году в Буэнос-Айресе отобрал шахматную корону у Капабланки. Это был матч века! Ласкер помнил, как он проходил, каждую партию он внимательно разбирал в Берлине и предсказал победу русскому гроссмейстеру задолго до того, как в нее поверили другие. Еще бы! Ведь Хосе Рауль Капабланка считался непобедимым. Шахматная машина, чемпион всех времен... Какими только эпитетами не награждали в прессе гениального кубинца после того, как в 1921 году он с сухим счетом 4:0 разгромил в Гаване самого Эммануила Ласкера, занимавшего шахматный трон целых двадцать семь лет.

Ласкер склонился над очередной доской и почувствовал, что у него закружилась голова. На несколько мгновений фигуры и пешки слились у него перед глазами в причудли-

вый черно-белый хоровод. Экс-чемпион мира прикрыл глаза и сделал вид, что размышляет над позицией. Нельзя, чтобы заметили, что ему стало плохо. Доложат Марте, она всполошится, поведет его к врачу, тот запретит выступать с сеансами, а им сейчас очень нужны деньги. Кто бы мог подумать, что в 72 года ему придется в поте лица своего на чужбине зарабатывать деньги буквально на пропитание! Ласкер вздохнул. Головокружение прошло, и он быстро оценил позицию на двадцать девятой доске. Она обострялась и грозила неприятностями. Противник играл очень хорошо. Пожалуй, надо разменять ферзей, а там видно будет. Забрав черного ферзя, он двинулся дальше.

Двадцать семь лет на шахматном троне, – продолжал размышлять Ласкер, делая ходы на следующих досках, – это рекорд, который вряд ли будет когда-нибудь побит. А многие ли знают, какая это тяжелая ноша – шахматная корона? Тяжело голове, носящей корону. Так, кажется, звучит русская поговорка. Прибавляют еще, что корону теряют вместе с головой. Метко сказано. Шахматную корону, конечно, вместе с головой не теряют, но в остальном все верно. Чемпион мира – объект для постоянных атак со стороны честолюбивых претендентов. Все эти письма с требованиями и туманными намеками, вызовы на матчи, скандалы, каверзные вопросы корреспондентов, надоедливое внимание прессы. В каждом турнире к игре с тобой участники готовятся особенно тщательно, настраиваются на бескомпромиссную

и рискованную борьбу на выигрыш. Ведь проиграть чемпиону миру не зазорно, а выиграть у него хотя бы рядовую партию – мечта каждого профессионального шахматиста. Отобрать же у вельтмейстера шахматный трон – заветная мечта каждого гроссмейстера, а защищать этот трон с годами становится все сложнее и сложнее. Недаром он, Ласкер, отказался предпринимать что-либо для организации матча-реванша с Капабланкой, хотя имел полное на это право. У него уже не было на это ни желания, ни сил. После страшного поражения в Гаване экс-чемпион мира на два года заперся в Берлине подобно тому, как линкор, получив в бою тяжелые пробоины, уходит в гавань для капитального ремонта в тихом доке вдали от морских сражений. В тихой берлинской гавани он посвятил все свое время занятиям философией и математикой. Да мало ли найдется занятий для Эммануила Ласкера – доктора философии и математики, талантливого изобретателя и даже драматурга, чью пьесу играли в берлинском театре?

Талант очень часто многогранен, а его обладатель не хочет заниматься в жизни чем-то одним и достигает успеха в самых разных областях. Как тут не вспомнить гениального художника и изобретателя Леонардо да Винчи или русского композитора Бородина, который был одновременно крупным ученым-химиком. Вот и Ласкера нельзя назвать профессиональным шахматистом в полном смысле этого слова, несмотря на то, что он посвятил этой великой игре лучшие

годы своей жизни. Она – его страсть, но его всегда интересовали не только шахматы. Кроме того, во времена его молодости назвать себя профессионалом в шахматах было в некоторой степени моветоном, это звучало примерно, как профессиональный игрок в покер или в преферанс. Не возбраняется вроде бы, но не очень прилично. Другое дело – математик, играющий в шахматы. Вот он и был математиком, писателем, философом и негодяном. Эммануил даже как будто немного стеснялся своей юношеской страсти. Именно этим объяснялось то, что во время своей встречи с Альбертом Эйнштейном в Нью-Йорке он сказал ему, что... не любит шахматы. Конечно, он слукавил. Но ему было просто неловко признаваться гениальному физическому, открывающему законы мироздания, в своей любви к игре, пусть древней, популярной и мудрой, но все же к игре или, если угодно, спорту. Разве можно сравнить теорию относительности и спорт? Поэтому он предпочел обсуждать свои математические идеи и проблемы современной физики, а на вопросы о шахматах небрежно отмахивался. Шахматы? Да, играл в свое время, и сейчас дает сеансы, но вряд ли стоит об этом говорить. Но Эйнштейн видел в своем знаменитом собеседнике именно шахматного гения, которым он восхищался с юности и поэтому страшно удивился его словам. Ласкер видел его недоумение, но предпочел ничего не объяснять.

Та же история и с Капабланкой: кубинский гроссмейстер был дипломатом, коммерсантом и просто «светским

львом», сводящим с ума первых красавиц мира. На встречах в Москве с наркомом Крыленко он уговаривал его посодействовать закупкам кубинского сахара!

Одним из первых людей, кто не постеснялся сделать шахматы своей профессией, был Михаил Чигорин. Русский виртуоз всерьез увлекся шахматами довольно поздно – в 23 года, а уже через 12 лет он бросил службу в петербургской полиции и посвятил себя целиком шахматному искусству. Невероятно популярный как у себя на Родине, так и во всем мире, он был наиболее ярким представителем старой, «романтической» школы шахмат, вызов которой бросил основатель теории позиционной игры великий Стейниц.

Михаил Чигорин

На размышления о Чигорине его натолкнула позиция на тринадцатой доске, таившая в себе глубокие комбинационные возможности для белых с жертвой ладьи. Противник, конечно же, примет жертву, и тогда через пять ходов он неизбежно попадает в безвыходное положение. Ласкер сделал нужный ход и, не обращая внимания на изумленного неожиданной жертвой игрока, пошел дальше.

Так вот, Чигорин пришёлся по душе любителям шахмат всего мира за его яркий атакующий комбинационный стиль с эффектными жертвами и хитроумными ловушками. Он любил играть фигурами и недооценивал значение пешек. Но еще в восемнадцатом веке великий француз Франсуа Филидор назвал пешки душой позиции, а затем Вильгельм Стейниц в противовес адептам «старой» школы, взял за основу своей позиционной теории идеи Филидора. Стейниц и сам был когда-то романтиком, стремящимся к атаке любой ценой, жертвующим фигуры ради атаки, но потом он отказался от «авантюрной и рискованной» игры и провозгласил принципы «новой» школы, основанные на учении о сильных и слабых пешках, постепенном накоплении позиционного преимущества, важности контроля над открытыми линиями. Стейниц ввел в моду закрытые начала, в которых нет возможности с первых ходов начинать атаку. Вслед

за ним практически все крупные шахматисты отказались от открытых начал и гамбитов, которые по определению связаны с жертвой фигур ради захвата инициативы. Подобно тому, как пулеметы загнали армии воюющих стран в окопы и траншеи, сделав невозможными эффектные рейды кавалерии в тыл противника, так и развитие позиционной техники игры привело к поражению сторонников романтической школы, приверженцев эффектных жертв и красивых комбинаций. Но среди них в тот момент остался выдающийся мастер, который по-прежнему разыгрывал открытые начала и стремился к острой комбинационной борьбе. Это был Михаил Чигорин. Он дважды бросал вызов Стейницу и оба раза проиграл, хотя во втором матче вполне мог одержать победу. Так или иначе, чемпионом мира Михаил Чигорин не стал, но обогатил теорию шахмат своими дебютными идеями, а его влияние на развитие шахматного искусства ощущается до сих пор. Было ли его поражение в многолетней борьбе за шахматную корону поражением самой идеи комбинационной борьбы. Нет! Наследником Чигорина стал русский гений Александр Алехин, который также открыто объявил себя профессиональным шахматистом, да и Ефим Боголюбов, кажется, писал, что чувствует неразрывную связь своей игры с игрой Чигорина.

К этому моменту Эммануил снова сделал полный круг и вновь оказался у тринадцатой доски. Противник, как

и ожидалось, принял жертву ладьи и теперь его король подвергнется неотразимой атаке белого ферзя. Сделав ход, Ласкер вернулся к своим мыслям.

После поражения, нанесенного ему Капабланкой, экс-чемпион мира на некоторое время стал добровольным затворником в Берлине, посвятив себя философии, литературе и математике. Так же, как и в дни триумфов, в эти тихие дни рядом с ним была верная и любящая Марта. Она ничего не понимала ни в шахматах, ни в математике, но зато прекрасно изучила своего Эммануила, которому была верным другом, адъютантом, любовницей и помощницей долгие годы. Милая, милая Марта. Единственная женщина в его жизни, но зато, какая женщина! Он встретил ее, будучи еще молодым человеком, но уже чемпионом мира и профессором математики, когда пришел в гости к своим знакомым. Было это в 1902 году. Марта не была красавицей в общепринятом понимании: маленькая черноволосая женщина с добрым приветливым взглядом и мягкими движениями. Ласкеру тогда показалось, что она одним своим присутствием создает уют и спокойствие в любом месте, где находится. Весь вечер молодой профессор молча любовался ею, а когда пришло время расставания, набрался храбрости и попросил поразившую его женщину о встрече. Тут-то и выяснилось, что Марта замужем, но муж ее уже давно парализован, и она преданно ухаживает за ним.

– Приходите к нам к чаю в понедельник, – сказала она ему.

И он пришел к ним в ближайший понедельник, а потом приходил во все последующие понедельники. И казалось, никакая сила не заставит его отказаться от этих еженедельных визитов. Муж Марты, владелец фабрики музыкальных инструментов Эмиль Кон, конечно же, понимал причину этих визитов. Он видел, как его жена и Эммануил смотрят друг на друга, но нисколько не препятствовал их общению и, пожалуй, был даже рад, что его добродетельная супруга не останется после его смерти одинокой. С Эммануилом они были добрыми друзьями. Вскоре Марта стала для Ласкера самым близким человеком, но еще долгих восемь лет ему пришлось ждать ее свободы, прежде чем они могли узаконить свои отношения и обвенчаться в церкви, лишь только закончился ее траур по покойному мужу. Марта происходила из семьи еврейских банкиров, а по материнской линии была внучкой выдающегося композитора Джакомо Мейербера. Они с Мартой были созданы друг для друга. Как же он был счастлив, когда они поженились! С тех пор Марта была с ним почти постоянно, его преданный помощник, любовь всей его жизни, его ангел-хранитель. Как преданно она заботилась о нем! Все шахматисты, собравшиеся в 1925 году на шедшем из Хельсинки в Гамбург пароходе «Кливленд», помнили про чемоданчик Ласкера, который его жена заполнила картонными сотами, в каждой из которых лежало одно яйцо с датой, когда его нужно съесть и трогательной надписью «Помни о Марте».

Эммануил, задумавшись о жене, надолго остановился у тридцать первой доски и улыбнулся. Каждый раз, когда он вспоминал про жену, на лице у него появлялась улыбка. Противник внимательно посмотрел экс-чемпиону мира в лицо, потом на позицию, пытаясь понять, что означает эта улыбка. Что он задумал? Неужели жертву слона? Ласкер, заметив его взгляд, спохватился, оценил позицию, но резкого усиления своей игры не нашел и сделал безразличный ход ладьей, предоставляя противнику самостоятельно сделать ошибку, в результате которой он проиграет партию.

Большинство партий выдающимися мастерами выигрывается в результате ошибок и просчетов более слабых противников. *«Искусство мастера – всего лишь пробный камень несовершенства других»*, – так однажды сказал Алехин. И он был абсолютно прав. Ошибки, «зевки», элементарные просчеты... Как много красивых комбинаций они загубили, сколько с ними связано несбывшихся надежд и даже жизненных трагедий. Никто не застрахован от них. Даже такие мастера, как Чигорин, Стейниц, Тарраш, Капабланка, Рубинштейн, Алехин допускали в своих партиях ужасные ошибки и просмотры. Михаил Чигорин в последней партии матча со Стейницем просмотрел элементарный мат в два хода, в результате чего шахматная корона осталась у Стейница. Австрийский гроссмейстер Карл Шлехтер через два десят-

ка лет после этого не сумел свести вничью последнюю, десятую, партию матча с Ласкером, которая была для него в выигрышной позиции. Ничья означала победу Шлехтера в матче, но нервы обычно невозмутимого австрийца не выдержали рокового момента, он сделал грубую ошибку, и чемпионом мира остался Ласкер. Славившийся своей непревзойденной техникой и точностью маневров Хосе Рауль Капабланка, будучи чемпионом мира, на турнире в Москве «зевнул» ферзя советскому шахматисту Верлинскому, а Алехин в 1935-ом году, защищая титул чемпиона в матче с голландским гроссмейстером Максом Эйве, в двенадцатой партии случайно взялся не за ту пешку. Противники играли защиту Грюнфельда. Защищая слона, чемпион мира должен был продвинуть на одну клетку вперед пешку на цэ-семь и даже записал этот ход на бланке, но вдруг в его руках оказалась соседняя пешка на бэ-семь. Ужасная ошибка, в результате которой принципиальная партия была Алехиным проиграна. Тот матч выиграл Эйве, и причина была, конечно, не только в «зевке» Алехина в двенадцатой партии.

Ласкер внимательно следил за этим матчем. Он проводился в Голландии, на родине претендента. И хотя Алехин начал матч хорошо, от партии к партии нарастали кризисные тенденции в игре чемпиона. Все больше необоснованного риска, грубых наскоков. Нельзя было так играть с Эйве, на которого работал целый штаб гроссмейстеров, нанятых правительством Голландии. Что случилось с чемпионом

мира? Этот вопрос задавали себе многие любители шахмат, но Эммануил знал на него ответ. Он понял, что происходит с Алехиным, когда встретил его в Амстердаме в фойе «Карлтон-отеля» перед восьмой партией.

Чемпион мира сидел в кресле в полном одиночестве, если не считать компании кота, носившего вполне шахматное имя «Чесс». На столике перед ним стояла чашка с недопитым кофе и опустошенная рюмка. Взор из-под роговых очков был мутным, спутанные русые волосы падали на большой лоб, в руках была сигарета. Судя по количеству окурков в пепельнице, он их курил, одну за другой, не переставая. Тепло поздоровавшись с подошедшим к нему Ласкером, Алехин снова рухнул в кресло. Вид у него был такой, что Эммануил не решился спросить его о самочувствии. Они принялись говорить о матче, и Ласкер спросил его, зачем он при большом перевесе в счете так рискует. Алехин помолчал и дал ему неожиданный ответ.

– А Вы знаете, доктор, как поступает волк, забравшись в овчарню? Он пьянеет от крови и режет всех овец подряд до тех пор, пока не придет возмездие с топорами, ружьями и кольями.

Александр Алехин и его кот по имени «Чесс»

Эммануил все понял. Перед ним сидел одинокий человек, в глазах которого стояла невыразимая тоска. Алкоголь давал ему временную возможность забыться, но за это приходилось платить слишком высокую цену. Пожалуй, ценой будет шахматная корона, понял в тот момент Ласкер и не ошибся. Тоска по Родине и отсутствие счастья в личной жизни, предательство близких друзей, равнодушие французов и отторжение соотечественников делали его глубоко несчастным человеком. Да, тяжело потерять Родину. Алехин ее потерял сразу после матча с Капабланкой, а сам Ласкер в 1935-ом году, еще до голландского матча. Он и прибыл тогда на матч в качестве представителя СССР. На странный вопрос Алехина о причинах эмиграции ответил довольно жестко:

– Почему? А разве Вы не знаете, почему из Германии уехали Альберт Эйнштейн и Стефан Цвейг? Господина Геббельса не устраивает форма моего черепа!

Да, чаша эмиграции горька, ее сполна выпивает каждый, кто потерял Родину, и они с Мартой не исключение.

Ласкер поставил мат на девятой доске, тринадцатая и тридцать первая сдались сами, девятнадцатая сопротивлялась весьма искусно, на ней противники играли защиту Нимцовича, а вот двадцать первая доставляла Эммануилу сильное беспокойство. Высокий худой молодой человек, видимо, решил дать экс-чемпиону миру бой не на жизнь, а на смерть. Защита Грюнфельда – очень сложная дебютная система, и, судя по игре, ему противостоял шахматный мастер. Постояв над доской, Ласкер решился на рискованную жертву коня. Увидев, как молодой человек вздрогнул и в изумлении уставился на гроссмейстера, Эммануил усмехнулся в свои пышные усы и пошел дальше. Пусть поищет ответ на эту жертву. Найдет – его счастье, не найдет – будет пенять на себя.

Неожиданный и парадоксальный ход частенько лишает противника душевного равновесия, заставляет его нервничать. Ведь если твой противник делает непредусмотренный теорией ход, то это значит, что он его предварительно подготовил, изучил все варианты, в то время, как ты должен все понять за шахматной доской. Именно поэтому шахматные новинки – это страшное оружие, которое гроссмейстеры приберегают для удобного случая, против конкретного противника. Фрэнк Маршалл, к примеру, несколько лет берег

свою новинку в испанском дебюте, чтобы применить ее против Капабланки. Алехин всегда был неистощим на выдумки. Недаром его прозвали гением шахматных комбинаций. На его страшную новинку напоролся Макс Эйве в матче-реванше, который происходил в 1937-ом году. Ласкер отлично помнил, как это было. Шестая партия в Гарлеме, все та же изъезженная вдоль и поперек славянская защита, и вдруг уже на третьем ходу Алехин делает ход, не предусмотренный никакими справочниками. Алехин идет конем. Эйве в недоумении. Еще несколько ходов, и вдруг Алехин берется за другого коня. Когда до сознания Эйве дошло, что произошло, его охватил ужас, а Ласкер, который сидел в первом ряду едва удержался от того, чтобы заплодировать. Следующая алехинская новинка была применена в двадцать второй партии. И вновь это был неожиданный ход конем, в результате которого Эйве потерял ферзя и вскоре сдался. А ведь все были уверены, что позиция ничейная. Ласкер тогда тепло поздравил Александра с победой и выразил уверенность, что матч-реванш вскоре закончится его победой. Так и произошло. Эйве сдал матч седьмого декабря. Это была их последняя встреча с Алехиным. Увидятся ли они еще? Кто знает! Причудливо переплетаются судьбы людей, и неисповедимы их жизненные пути.

Вскоре после этого Эммануил и Марта покинули Москву, в которой прожили два счастливых года, и поехали в Чикаго к дочери Марты. Из Америки в СССР они не вернулись.

С чего же началось их изгнание, в результате которого он, экс-чемпион мира, доктор философии и математики, теперь вынужден буквально в поте лица ежедневно зарабатывать себе и жене на хлеб насущный? В штатах мало кого интересуют шахматы, но философия и математика занимают умы американцев еще меньше. Книги и мысли Ласкера здесь никому не нужны. От голода спасают только шахматы, эти старые верные друзья вновь выручают его в трудной жизненной ситуации, спасают от мата, который ему норовит поставить сама жизнь. Но насколько ему еще хватит сил, чтобы продолжать эту партию? Шах ему объявили еще в 1933 году, когда в результате честных и демократических выборов в Германии власть получил Гитлер и его партия. Страшный выбор тогда сделал немецкий народ, и страшной ценой он за него расплатится. Какой у них был уютный дом в Тироу, как была увлечена своим фермерским хозяйством Марта! Но вот к власти пришли нацисты, и началось что-то неопишное: газеты было страшно раскрывать, в них писали такое, что мороз шел по коже, из университетов и клиник изгоняли профессоров, имевших неарийское происхождение, начались аресты, погромы, убийства. Через два года им с Мартой стало совершенно очевидно, что уезжать надо срочно, пока еще есть такая возможность. Пройдет несколько месяцев, и нацистов уже не остановит его мировая известность. Он погибнет, а вместе с ним и Марта. Но куда уезжать?

Поначалу они уехали в Лондон, но потом Ласкер решил

эмигрировать в Советский Союз. Уж больно ненадежной ему казалась Европа, а военная мощь СССР казалась ему огромной. Насчет Европы Эммануил оказался совершенно прав: она действительно практически без борьбы сдалась Гитлеру. Особенно отличилась Дания, которая сопротивлялась немногим более часа. Франция была раздавлена немецкой военной машиной за какие-то сорок дней, а Англия подверглась разрушительным налетам. Так что еще неизвестно, были бы они сейчас с Мартой живы, если бы остались в британской столице.

Что же касается Советского Союза, то к этой стране и ее шахматистам Ласкер всегда питал очень теплые чувства. Впервые он приехал на гастроли в страну Советов зимой 1924 года. В шахматной прессе экс-чемпиона мира тепло приветствовали как величайшего шахматного мыслителя и первого заграничного гостя в шахматной семье СССР. Там он за шесть дней сыграл несколько партий с сильнейшими ленинградскими шахматистами – Романовским, Левенфишем и Рабиновичем – и дал два сеанса одновременной игры. На одном из них, как он узнал много позже, был юный шахматист Миша Ботвинник, который сейчас стал одним из сильнейших гроссмейстеров мира. Тогда в этих двух сеансах Ласкер выиграл 23 партии, 13 свел вничью, и лишь 4 проиграл. С Ботвинником он не раз встречался за шахматной доской и отдавал должное его постоянно возрастающей силе. Сейчас это уже реальный претендент на шахматный

престол.

Он хорошо помнил, как увиделся с ним в Лондоне зимой 1935 года, когда тот приехал к нему в гости вместе с гроссмейстером Вайнштейном, чтобы пригласить его принять участие в Московском международном турнире. Ботвинник был тогда заметно расстроен своей неудачей на турнире в Гастингсе.

– А за сколько времени вы прибыли в Гастингс? – спросил его Ласкер.

– За два часа до начала турнира, доктор.

– Но, дорогой мой, так нельзя, – покачал головой опытный ветеран шахматных баталий, – вам надо было приехать дней за десять, чтобы успеть пройти акклиматизацию.

Ласкер симпатизировал интеллигентному и спокойному, всегда такому доброжелательному Ботвиннику. А тот не повторил своей ошибки в 1936 году, когда проходил турнир с участием сразу четырех чемпионов мира: Ласкера, Капабланки, Алехина и Эйве. Приехав заранее, молодой гроссмейстер, которому едва исполнилось 25 лет, играл превосходно. И Ласкер болел за него, как за своего соотечественника, ведь он в то время уже жил в Советском Союзе. Однако поначалу в турнире лидировал Макс Эйве, и вот Ласкер перед встречей с действующим чемпионом мира зашел в номер к супружеской чете Ботвинников. Советская элита, они

жили в шикарном отеле «Виктория Стейшн». Ласкер, поцеловав руку черноглазой и грациозной балерине Гаяне Ботвинник, сразу же изложил Михаилу суть дела.

– Завтра я играю белыми против Эйве. – сказал он.

– Да, доктор, и что же?

– Он сейчас ваш основной соперник. Так вот, – торжественно, и немного волнуясь, сказал Ласкер, – как представитель Советского Союза считаю себя обязанным играть на выигрыш.

– Что вы, что вы! – замахал руками Ботвинник. – Милый доктор, ничьей тоже будет вполне достаточно.

– Ну что ж, ничья – это дело простое.

И все же он тогда выиграл у Эйве, в равном эндшпиле применил тактическую хитрость, и голландец попался в ловушку. В результате Ботвинник вырвался вперед.

А советским гражданином он стал в 1935 году. Охотно принял приглашение Ботвинника в Лондоне, и уже во время турнира в Москве обратился с просьбой об убежище к наркому юстиции Николаю Крыленко, которого хорошо знал.

Николай Крыленко

Крыленко увлекался шахматами до самозабвения, был председателем шахматного исполбюро, организовывал международные турниры в Москве, в которых играли Ласкер, Капабланка, Флор, Рети, Боголюбов и другие сильнейшие гроссмейстеры мира. Только Алехина на эти турниры не приглашали. Разговор с Крыленко состоялся в кабинете директора Музея изящных искусств, где проходил турнир. Ласкер хорошо помнил этот день, он тогда одержал сразу две победы: выиграл партию у чемпионки мира Веры Менчик и получил особенно приятное известие о сдаче отложенной партии Капабланкой. Крыленко пригласил его в большое кресло, угостил кофе и приготовился внимательно слушать.

– Вы ведь хорошо знаете, что происходит сейчас в Германии? – начал издавека экс-чемпион мира.

– Конечно, доктор, – кивнул нарком.

– Оттуда уехали уже очень многие известные люди. Иначе нельзя. Альтернатива – смерть.

– Верно, – подтвердил Крыленко, – и о чем бы вы хотели меня попросить?

– Я хотел бы получить советское гражданство и поселиться в Москве.

– Ваша супруга разделяет ваше желание?

– Разумеется!

– Я полагаю, – сказал Крыленко, помолчав, – что это возможно. Но, конечно, я не могу решить этот вопрос один. Я должен доложить о вашей просьбе правительству. А надолго вы хотите поселиться в СССР.

– Навсегда, – твердо сказал Ласкер. – Конечно, если при моей жизни кончится весь этот кошмар на моей Родине, я с удовольствием туда вернусь. Но пока...

– Я вас понимаю, доктор, – сказал нарком, – я практически уверен, что этот вопрос будет решен положительно. А пока мы предоставим вам с супругой возможность находиться в нашей стране после турнира до полного оформления всех необходимых документов.

– Спасибо! Но нам надо еще съездить в Амстердам.

– Это ваше дело, доктор, но я бы предложил вам до Амстердама отдохнуть у нас месяц на Кавказе. Все расходы мы возьмем на себя.

– Отлично! Марта будет просто в восторге. Спасибо вам.

– Пока не за что! А чем бы вы хотели у нас заниматься, кроме шахмат?

– Математикой. Ну, и философией, если это, конечно, возможно.

– А почему нет?

– Но ведь в Советском Союзе философия немного отличается от той, которой занимался я.

– Думаю, что и это тоже не является большой проблемой, – улыбнулся Крыленко, – я поговорю с академиком Карпинским. А в следующем году мы планируем провести большой международный турнир. Пригласим Капабланку, Флора, Эйве....

– А Алехина вы собираетесь пригласить?

– Думаете, нужно? – Крыленко внимательно посмотрел на Ласкера.

– Без чемпиона мира турнир будет не таким интересным. И потом, ему сейчас приходится очень трудно.

– Не знаю, доктор, – уклончиво сказал нарком. – С Алехиным вопрос сложный. Как вы оцениваете его шансы в матче против Эйве?

– Алехин, безусловно, сильнее, как шахматист.

– А как человек? – спросил вдруг Крыленко и произнес длинный монолог о беспринципности Алехина, его скверном характере, моральной неустойчивости, слабости к алкоголю. Закончил нарком выводом о том, что все это не может не сказаться на силе игры чемпиона мира, и что он не уди-

вится, если Алехин проиграет матч Максу Эйве. Так оно потом и случилось. Из монолога Крыленко Эммануил сделал вывод о том, что Алехина по-прежнему любят в СССР, раз так близко к сердцу принимают его проблемы и неурядицы. Впоследствии выяснилось, что ему все-таки прислали приглашение на московский турнир.

Ласкер объявил шах черному королю на тридцать шестой доске. Его чернокожий противник что-то забормотал своими толстыми губами и обхватил двумя руками голову, лихорадочно ища защиту от неожиданной атаки белых фигур. Впрочем, это бесполезно, его положение давно безнадежно. Еще пять-шесть ходов, и все будет кончено.

Вопрос о предоставлении Ласкеру советского гражданства нарком юстиции решил очень быстро. Они с Мартой провели чудесный месяц на Кавказе, потом съездили в Амстердам, а когда вернулись, их поселили в уютной квартире в Москве на Спасоглинищевском переулке и даже предоставили помощницу по хозяйству, молодую и очень приятную женщину по имени Юлия. У пожилой пары началась новая жизнь. Марта обставила квартиру по своему вкусу и быстро создала мужу уют, который они потеряли в Германии.

Чета Ласкеров в московской квартире

Ласкер занимался не только шахматами, но и математикой, получил должность в Математическом институте Академии наук, его работы высоко оценили советские ученые. Работал и в журналистике, в качестве корреспондента газеты «Советский спорт» освещал матч между Алехиным и Эйве в Голландии, как советский гражданин играл в турнирах за СССР. Приходилось ему встречаться за шахматной доской и с Алехиным. Смешно выглядела табличка «Ласкер (СССР) – Алехин (Франция)», но еще смешнее было прочитать «Ласкер (СССР) – Боголюбов (Германия)». Русский гроссмейстер Боголюбов жил в Германии уже давно, приход к власти нацистов несколько не ухудшил его положения,

а даже наоборот. Несмотря на славянское происхождение, он был капитаном сборной Германии. Гитлер, как ни странно, неплохо относится к русским. Как тут не вспомнить его привязанность к русской актрисе Чеховой, да и Алехина, когда он попал к нацистам в плен, они не тронули. В Москве у них поначалу все было хорошо, их квартира была местом паломничества для советских любителей шахмат, его узнавали на улице, ему приходилось раздавать автографы, как будто он кинозвезда. Такая популярность их с Мартой очень удивляла. Впечатление было, что все граждане СССР – шахматисты.

Эммануил Ласкер за шахматной доской

Но вскоре атмосфера в стране стала сгущаться: исчезали известные люди, проходили непонятные судебные процессы, на которых соратники Ленина признавались в каких-то диких преступлениях, расстреляли известных военачальников во главе с маршалом Тухачевским. Когда Эммануил в разговоре с Левенфишем как-то попытался узнать, что он обо всем этом думает, тот слегка побледнел, изменился в лице, покосился в сторону кухни, где хлопотала славная девушка Юлия, и подчеркнуто громко принялся обсуждать одну из партий последнего турнира. А когда они прощались в передней, Левенфиш выразительно посмотрел ему в глаза и поднес указательный палец к своим губам.

Международный гроссмейстер Григорий Левенфиш

Намек был вполне прозрачен. Ласкер был под колпаком НКВД. И скорее всего, Юлия работала на советскую спецслужбу. Все это было непонятно и страшно. Какой может быть интерес у тайной полиции к нему? Впрочем, по здравом размышлении Ласкер пришел к выводу, что иначе и быть не могло. Ведь он лицо мировой известности, выезжает за границу, у него постоянно бывает много людей. Эммануил устыдился и расстроился, что невольно поставил советского коллегу в сложное положение. Марте он ничего не стал говорить о своих опасениях, но она сама ему сказала, что хотела бы поехать в гости к своей дочери Лотте, которая жила в Чикаго.

– Хорошо, пусть эта поездка будет тебе подарком к семидесятилетию, – сказал ей Эммануил.

А потом случилось нечто действительно страшное. Газеты сообщили об аресте Николая Крыленко. Это не укладывалось в сознании. Бывший главковерх армии большевиков, соратник Ленина, нарком юстиции оказался врагом народа. Но именно Крыленко устроил переезд Ласкера в Москву! Да ведь дело не ограничивалось одним только Крыленко, который был не столько шахматистом, сколько видным большевиком и политиком. Опаснее всего было то, что тайная полиция взялась и за шахматистов тоже. В начале октября 1937 года арестовали Николая Григорьева, легендарного мастера, автора знаменитых этюдов, сильнейшего аналитика, личного друга Алехина.

Николай Григорьев

Доктор Григорьев был близок к Крыленко. Видимо, поэтому его и арестовали, применяли допросы с пристрастием, на которых он терял сознание. Арестовали и Валериана Еремеева, ответственного секретаря Всесоюзной шахматной секции. Впоследствии, правда, Григорьева выпустили, а Еремеев так и сидит, если его уже не расстреляли. Об отъез-

де их просил и Ильин-Женевский. Просто пришел однажды в их опустевшую квартиру (после ареста Крыленко к ним перестали ходить гости), говорил о погоде, потом вытащил из кармана лист бумаги, написал на нем карандашом по-немецки одну фразу «*Немедленно уезжайте!*». Ласкер прочитал и благодарно кивнул головой, а Ильин-Женевский аккуратно сложил листок, положил обратно в карман, попрощался и ушел. Для Ласкера с этого момента их с Мартой отъезд из СССР стал делом совершенно решенным. Однако бегство их должно было быть замаскировано под поездку к родственникам жены, поэтому при Юлии они вели между собой разговоры, из которых ясно следовало, что они твердо намерены вернуться. Ласкеры не без затруднений получили разрешение на выезд и визу в США. Для отвода глаз им даже пришлось купить обратные билеты.

В октябре 1937-го года они покинули Москву, взяв с собой все ценные вещи, долго добирались до Амстердама. В голландской столице на них накинудись с вопросами журналисты: «*Почему вы уехали? Опасались ареста? Что можете сказать о деле шахматистов в Москве?*». Ласкеры отвечали кратко: «*Ничего не знаем, едем к дочери!*». Они сели на пароход, благополучно переплыли океан и оказались в Нью-Йорке.

Ласкер любил этот огромный и красивый город, вобравший в себя невообразимое количество разных культур и представителей самых разных национальностей. Здесь на-

ходиллся знаменитый Манхэттенский шахматный клуб, который помог им с Мартой на первых порах обустроиться на новом месте, организовывал ему лекции и сеансы. Когда-то, будучи чемпионом мира, он в этом клубе встречался с молодым Капабланкой, где с ними обоими произошел почти анекдотичный случай. Они сидели вдвоем с Хосе Раулем и смотрели какую-то партию, как вдруг к ним подсел молодой человек, поздоровался, как со старыми приятелями и принял активное участие в анализе. Незнакомец весьма бесцеремонно высказывал свое мнение и даже самоуверенно спорил с Ласкером. Потом он вдруг посмотрел на часы, заявил, что ему пора уходить на званый ужин, попрощался со знаменитостями за руку, дружески похлопал по плечу Капабланку и ушел. Действующий и будущий чемпионы мира удивленно посмотрели ему вслед.

– Кто это? – спросил Ласкер.

– Понятия не имею! – изумленно ответил Капабланка. – Я думал, что это ваш знакомый.

Эммануил улыбнулся, вспомнив про этот забавный случай. Существующее мнение об излишней серьезности шахматистов в корне неверно. Шахматисты – люди жизнерадостные и обожают веселые розыгрыши. Молодой Ласкер и сам однажды позволил себе сыграть забавную шутку с самонадеянным попутчиком в купе поезда, который предложил ему

сыграть партию в шахматы, не ведая, что перед ним чемпион мира.

– Как вы играете? – спросил попутчик.

– Неважно, – поскромничал Ласкер.

– В таком случае я дам вам ферзя вперед, – сказал попутчик.

Ласкер изумился: такого с ним не случилось со школьных лет.

– Может быть, попробуем сыграть на равных? – робко попросил он.

– Молодой человек! – важно сказал ему попутчик. – Я чемпион шахматного клуба своего города.

Тут-то ему и захотелось его проучить.

– Хорошо, – сказал Ласкер, – я согласен принять от вас фору, но только если вторую партию мы сыграем на моих условиях.

Любитель пожал плечами и согласился. Началась игра. Противник играл очень примитивно. Ласкер позволил ему поставить себе мат, потом перевернул доску, расставил фигуры в первоначальное положение и снял с доски своего ферзя.

– Вы что, с ума сошли? – попутчик уставился на него в полнейшем недоумении.

– Но мы же договорились сыграть вторую партию на моих условиях, – невинным тоном сказал Ласкер.

– Вы только что получили мат, имея вперед ферзя!

– А теперь хочу дать ферзя вам! – настаивал Ласкер. –

Уговор есть уговор.

– Хорошо! – воскликнул попутчик, возводя глаза к небу. –

Будь по-вашему! Это будет вам хорошим уроком.

Началась игра. Любитель делал ходы со стуком, поглядывая на противника свысока. Однако его положение медленно, но верно ухудшалось. Наконец, он получил мат. Попутчик был в изумлении. Он долго переводил взгляд с доски на Ласкера, сидевшего с самым беззаботным видом, потом обратно на доску.

– Нам надо сыграть на равных! – сказал он, наконец.

Ласкер не возражал. Это входило в его планы. Партия на равных закончилась ничью, когда были истреблены все фигуры на доске, за исключением королей.

– Ничего не понимаю! – воскликнул чемпион шахматного клуба. – Давайте попробуем еще раз с форой?

– Давайте, – пожал плечами Ласкер.

Абсурдная ситуация повторялась вновь и вновь. Противник Эммануила выигрывал, когда давал ему ферзя вперед, и неотвратимо терпел поражение, когда сам получал фору. Если же они играли на равных, то получалась ничья.

– Это черт знает, что такое! – сказал, наконец, потрясенный попутчик. – Играем на равных – ничья. Значит, наши силы примерно равны, но я даю вам ферзя вперед – и выигрываю, а если получаю – проигрываю!

– Этому есть простое объяснение, – пожал плечами Ласкер.

– Какое же, черт побери?

– Все дело в том, – таинственно сказал ему Ласкер, – что этот самый пресловутый ферзь, – он постучал пальцем по резному венчику самой сильной фигуры, – он только мешает играть!

– Что за бред!

– Посудите сами! Иначе как объяснить все это?

Попутчику стало буквально плохо. Все это не укладывалось в его сознании. Выходило, что самая сильная фигура и впрямь вредит своей армии! Неизвестно, чем бы все это для него кончилось, если бы в купе на очередной станции не зашел новый пассажир, который узнал Ласкера и назвал его по фамилии.

– Позвольте! – встрепенулся обманутый любитель. – Вы Ласкер, чемпион мира по шахматам?

Эммануил был вынужден признаться и попросить прощения за эту невинную мистификацию.

– Господи! – схватился попутчик за голову. – Что же вы сразу не сказали? А я то вам ферзя вперед!

Как же давно все это было! Он был молодым, знаменитым, счастливым, уверенным в завтрашнем дне. У него был уютный дом и хороший счет в банке. А что теперь? Теперь он вынужден жить на чужбине, зарабатывая на хлеб насущный

бесконечными сеансами и лекциями, которые предельно его изматывают. Но другого выхода нет.

Ничего не поделаешь, сказал сам себе Ласкер, объявляя мат пожилому джентльмену на двадцатой доске. Молодой человек на двадцать первой доске успешно нашел опровержение жертвы коня и развивал наступление. Так ведь можно и партию проиграть! Подумав немного, Ласкер решил заменять ладьи, чтобы упростить позицию и поскорее перевести ее в эндшпиль. Затем он двинулся дальше. На двух следующих досках черные сдались.

Ничего не поделаешь, повторил он себе, ему еще грех жаловаться на судьбу, ведь они с Мартой не голодают, живут в тепле, не испытывают ужаса бомбежек, не боятся ни гестапо, ни НКВД. По нынешним временам они счастливы. Кто бы мог подумать, что двадцатый век станет таким страшным и роковым для человечества!

Трудно себе представить более далеких от политики людей, чем шахматисты, однако она не оставляет в покое и их тоже. Русская революция вовлекла в свое горнило и опалила Алехина. Сам он, Ласкер, лишился из-за проклятой политики Родины, имущества, дома, денег, вынужден зарабатывать на жизнь тяжелым трудом. Из них троих – самых знаменитых шахматистов современности – повезло в этом смысле только Капабланке. Его политика не касалась, он всегда был

баловнем судьбы. Красавец, любимец женщин и всех кубинцев, наделенный огромным талантом. Да что там талант! Капабланка был настоящим шахматным гением. Как бы к нему не относились его соперники, все они признавали гениальность Хосе Рауля Капабланки-и-Граупера, таково его полное имя. Шахматный талант – вещь довольно таинственная. Большинство людей, глядя на шахматную доску с расставленными фигурами, видят лишь кусочки дерева, а для Капабланки шахматы всегда были живыми. Ему обычно не надо было просчитывать позицию, как другим, он ее просто видел во всех нюансах. Свою первую в жизни партию он выиграл у отца, когда ему было всего четыре года, в тринадцать лет он стал чемпионом Кубы, в 1909 году он, победив Фрэнка Маршалла, стал чемпионом Америки.

Хосе Рауль Капабланка

Для Кубы Капабланка был национальным героем, но Ев-

ропа не хотела верить в его гений. И вот в 1911 году Капабланка побеждает в крупнейшем турнире в городе Сен-Себастьян, а в 1914 году взял второй приз на турнире в Санкт-Петербурге, уступив только Ласкеру и опередив Алехина, который был на третьем месте. После этого сторонники кубинца стали громко требовать его матча с чемпионом мира. Однако это было не так просто. Были и другие претенденты – Акиба Рубинштейн, Арон Нимцович, Александр Алехин, другие сильные гроссмейстеры. Первая мировая война и ужасная русская революция убрали с его дороги ближайших конкурентов, в то время как Хосе Раулю его маленькая Родина обеспечила вполне беззаботное и безоблачное существование. Капабланка служил дипломатом и мог беспрепятственно колесить по всему миру за государственный счет, играя в турнирах и оттачивая мастерство.

Когда закончилась Первая мировая война, у Ласкера остался единственный претендент. Давление на чемпиона мира оказывалось колоссальное. Дошло до того, что он публично отказался от шахматной короны в пользу Капабланки, но шахматный мир не принял добровольной отставки своего короля, да и сам Капабланка никогда бы не согласился принять титул без борьбы. Чтобы стать чемпионом мира, нужно выиграть матч у действующего чемпиона. Таково было незыблемое правило. И матч состоялся на Кубе в 1921 году. Уставший от скандалов и дрызг Ласкер, махнув рукой, согласился со всеми требованиями молодого и энергичного пре-

тендента. Пусть в Гаване, пусть в жаре, но лишь бы поскорее покончить с этим делом! Дорого ему обошлось это решение. Капабланка разгромил его с сухим счетом. Шахматный мир с ужасом смотрел на падение своего многолетнего кумира и безропотно признал власть нового властелина. Капабланка стал шахматным королем. В возрасте тридцати с небольшим лет у него было все, о чем только можно было мечтать: слава, талант, деньги, счастливая семья, всеобщее почитание на Родине. Будущее этого баловня судьбы казалось счастливым и безоблачным. Кто бы мог подумать, что судьба отмерит ему всего шесть лет царствования на шахматном троне, что его безжалостно скинут с пьедестала, когда он будет в зените своей славы и расцвете таланта. *«Идущий за мной сильнее меня!»* – вот, что следовало бы сказать Капабланке, когда молодой русский гроссмейстер Александр Алехин приехал из России в Париж, чтобы покорить шахматный мир. Ласкер всегда недолюбливал Капабланку, но когда в 1927 году кубинец был повержен, он нашел для него хорошие слова: *«Я был несправедлив по отношению к Капабланке. Он оказался достойным бойцом и проявил великолепное мастерство в этом матче. Не его вина, что ему противостоял настоящий гений!»* Ласкер не испытывал злорадства, он уже пережил свой шок и принял удар судьбы в 1921 году. Тогда победила молодость, и это естественно. Он же и сам стал чемпионом мира, когда ему было всего лишь двадцать шесть лет.

Эммануил Ласкер в молодые годы

Его матч с чемпионом мира Вильгельмом Стейницем состоялся в 1894 году, и путь к шахматному престолу был тернист. Всего за два года до этого Зигберт Тарраш отклонил вызов Ласкера на матч. Мнение этого гроссмейстера значило очень много, и его слово было более, чем весомым. Именно его Стейниц как-то назвал величайшим шахматным гением, которого когда-либо видел свет. Конечно, Стейниц погорячился, ведь Тарраш не сумел завоевать шахматную корону. Но, все же, именно его считают наставником нескольких поколений шахматистов, впервые придавшим шахматной теории форму науки. Именно он покончил с распространенным мнением о шахматах, как о некой азартной игре. Тарраш развил позиционную теорию Стейница, обогатил теорию многих дебютов, внес бесценный вклад в теорию эндшпилей, но сам при этом даже не был профессиональным шахмати-

Зигберт Тарраш

Он был практикующим врачом в Нюрнберге и занимался шахматами лишь в свободное от медицины время. А чего стоят знаменитые афоризмы Тарраша: *«Конь на краю доски стоит плохо»* или *«У кого слоны, тому принадлежит будущее»!* Многие поколения мастеров учились, и еще будут учиться по его учебникам. Но ортодоксальность его взглядов и категоричность суждений вызывали критику многих известных мастеров. Известно, например, что его терпеть не мог Арон Нимцович, называл его педантичным догматиком, а неприязнь к нему многих представителей молодых поколений шахматистов была взаимной. Вот и приглашение молодого Ласкера на матч в 1892 году он отклонил: слишком мало у него, по мнению Тарраша, было побед в международ-

ных турнирах. После Таррашу пришлось пожалеть о своем высокомерии, а в тот момент Эммануил развил бешеную активность: поехал в Нью-Йорк, выиграл там ряд матчей, разгромив в том числе сильнейшего американского шахматиста Шовальтера, и в мае 1893 года послал вызов уже самому великому Стейницу. Тот, в отличие от Тарраша, против матча не возражал, но выразил пожелание, чтобы претендент победил еще в одном крупном международном турнире. И Ласкер выполнил это пожелание: в Нью-Йоркском турнире, который состоялся в сентябре 1893 года, с блеском выиграл все тринадцать партий. Это был удивительный результат, после которого уже никто не смел сомневаться в праве Ласкера на матч с чемпионом мира. И вот в марте 1894 года началась небывалая двухмесячная битва двух шахматных титанов, молодого льва со старым, действующему чемпиону мира было уже пятьдесят восемь лет.

Вильгельм Стейниц

Вильгельм Стейниц стал первым официальным чемпионом мира в истории шахмат в 1886 году после победы в матче с немецким виртуозом Иоганном Цукертортом, считавшимся одним из сильнейших шахматистов планеты. Это была победа позиционной школы над «романтической». Полиглот и философ Цукерторт, обладавший феноменальной памятью, автор мирового рекорда по игре вслепую, обладал выдающимся комбинационным дарованием. *«Без комбинации нет шахматного искусства»* – так написал он однажды. Но Стейниц, казалось, обладал даром предвидеть комбинацию задолго до ее появления. Он просто уничтожал ее в зародыше и методично давил противника своей позиционной игрой. Затем он еще дважды отражал попытки отобрать корону русского «романтика» Чигорина, победил в матче венгерского мастера Гунсберга. И наконец, принял предложение Гаванского шахматного клуба об организации матча с новой восходящей звездой – Эммануилом Ласкером.

Захватившие Ласкера размышления не помешали ему за несколько кругов объявить мат еще на трех досках, а на шестнадцатой доске, где игралась голландская защита, противники заключили мир. Его радостный соперник встал, и Ласкер торжественно пожал ему руку. На двадцать первой доске после размена ладей партия медленно, но верно кло-

нилась к эндшпилю, но положение оставалось сложным. Ничего, рано или поздно он ошибется, подумал Ласкер, а уж в технике разыгрывания эндшпилей равных экс-чемпиону мира было мало.

Тот матч со Стейницем, вернулся Эммануил к своим размышлениям, был очень поучительным для всех, кто недооценивал роль психологии в шахматных поединках. Стейниц был великим шахматистом, и в свои пятьдесят восемь лет играл еще великолепно, но он всегда учил, что позиция сама заключает в себе ответ на вопрос, как играть дальше. Именно Стейниц выдвинул важнейшее понятие оценки позиции как краеугольного камня, на основе которого выстраивается план игры. Именно позиция, по мнению Стейница, может являться основанием для этого плана, а не личность игроков. Ласкер не отрицал значение позиции, но интуитивно чувствовал, что тут не все так просто. На шахматных досках борются люди, а не деревянные фигуры! Шахматы – это спорт. Нельзя не учитывать психологию противника, особенности его характера, стиля и мышления. Создай такое положение на доске, которое особенно неприятно именно для данного противника, заставь его нервничать, делать ошибки, и тогда ты выиграешь партию. Недаром недоброжелатели Ласкера обвиняли его в том, что он гипнотизирует противников. Ласкер – опытный турнирный боец, главное для него – победа. В партиях с некурящим Нимцовичем рядом

с Эммануилом всегда лежали его сигары. Нимцович не переносил дыма. Ласкер и не курил, но от одного вида сигар Нимцович нервничал, не мог сосредоточиться и делал ошибки. Именно Ласкер первым внес в теорию шахматной борьбы элемент психологии. Его психологический метод борьбы был воспринят многими выдающимися шахматистами, прежде всего, Алехиным. А в том матче со Стейницем он впервые доказал всему миру свою правоту. Первые шесть партий противники играли с примерно равной силой, но Эммануил получил перевес в два очка, а вот потом... Потом случился страшный разгром. Стейниц проиграл пять партий подряд. Ласкер его настолько вымотал, что чемпион мира сломался, вошел в состояние «шахматного грогги». Это и предопределило исход матча.

Матч Стейниц-Ласкер за звание чемпиона мира по шахматам

26 мая 1894 года Ласкер выиграл 19-ю партию, и Стейниц воскликнул: «*Да здравствует новый чемпион мира! Ура! Ура! Ура!*» Также поступил и сам Ласкер, когда его разгромил Капабланка. После поражения Стейниц еще некоторое время выступал в соревнованиях, но выиграл только один турнир в Нью-Йорке. Он сыграл матч-реванш с Ласкером в Москве в 1896 году, но проиграл с еще более разгромным счетом. Тогда-то у него и проявились первые признаки тяжелого психического расстройства. Он был на месяц помещен в психиатрическую клинику, а потом отправился в Вену. Некоторое время он еще неплохо играл, но коварный недуг постоянно подтачивал организм шахматного гения. Свой жизненный путь великий Стейниц закончил в психиатрической больнице в Нью-Йорке, где умер от сердечного приступа, оставив свою семью в полной нищете.

Ну, а Ласкеру, когда он стал чемпионом мира, еще целых пять лет пришлось доказывать, что он не формальный, а настоящий чемпион, сильнейший шахматист планеты. Поначалу в это не очень верили в Европе. Ну да, он победил старика Стейница. Но ведь у Стейница могли выиграть и другие сильные шахматисты. Прежде всего, Тарраш. Пять первых призов в крупнейших международных турнирах с 1888 по 1894 год – это не шутки. Да и Чигорин, вполне

вероятно, на третьей попытке сумел бы отобрать у стареющего гиганта шахматную корону. И вот в 1895 году был организован грандиозный турнир в Гастингсе с участием всех сильнейших шахматистов. Кто же победит, гадали все, Ласкер или Тарраш? Результат турнира запутал всех еще больше. Не победил ни Ласкер, ни Тарраш. Первый приз неожиданно для всех взял молодой гроссмейстер Пильсбери, а второй – Чигорин. Чемпион мира Ласкер оказался на третьем месте, Зигберт Тарраш – на четвертом. При этом Ласкер проиграл в личной встрече Таррашу. И лишь после этого турнира началась длинная череда турнирных побед нового шахматного короля, которая окончательно разрешила все сомнения. Его же личная дуэль с Таррашем окончательно завершилась в 1908 году, когда Ласкер победил его в матче с перевесом в 5 очков. С этим принципиальным поражением закончилась и эра Тарраша. Надо отдать ему должное: он был выдающийся мастер, всецело преданный шахматам. *«Я испытываю сожаление к людям, не знающим шахмат, как бывает жаль человека, не изведавшего чувство любви. Как любовь, как музыка, шахматы обладают способностью делать человека счастливым»* – так сказал однажды Тарраш.

Да, подумал Ласкер, все мы, шахматисты, от любителей до гроссмейстеров, с детства отравлены ядом шахмат, и должны носить в себе этот яд до последних дней жизни. Но разве ж это плохая отравка? Давно уж нет Стейница, Тарраша, Чигорина. А тех, кто жив поныне, новая мировая вой-

на разбросала по разным уголкам. Капабланка сейчас живет в Нью-Йорке, Тартаковер служит у англичан, а Алехин играет у немцев. Нацисты захватили его в плен в форме офицера французской армии и заставили играть в своих турнирах. Недавно ему показали напечатанную в какой-то их газетенке статью за подписью Алехина, в которой он ругает Ласкера, Стейница, Файна. Эммануил прочитал ее и сразу все понял. Провокация нацистов. Либо эту статью писал не Алехин, либо они его заставили. Возможно, он специально написал ее так, чтобы никто не поверил в его авторство этой ахинеи.

Ласкер уже смертельно устал от этого сеанса. Круг за кругом он ходил от стола к столу, кому-то объявлял мат, некоторым предлагал ничью. В глазах мелькали черные и белые лица людей, черные и белые квадраты, черные и белые полированные фигуры, силы медленно покидали его, но сеанс надо доиграть и успеть на обратный поезд. Там он отдохнет, а на вокзале его встретит Марта. Тогда все будет хорошо. Главное – доиграть! Он вдруг почувствовал тошноту. В чем дело? Почему вдруг начал двигаться пол, а вместе с ним столы и все вокруг? Ноги стали ватными, подкосились, Ласкер ухватился руками за стол и стал тяжело оседать на пол. К нему со всех сторон бросились люди. Что с Вами, доктор? Но он уже ничего не мог им ответить. Ускользящее сознание пыталось ухватиться за какую-то зацепку, чтобы остаться в реальности. Марта! Дома его ждет Марта...

Это был последний сеанс в жизни Эммануила Ласкера. Он умер в городской больнице Нью-Йорка 13 января 1941 года. Истинные ценители древней игры, находясь в этом городе, обязательно посещают могилу одного из величайших шахматистов в истории, чтобы отдать дань уважения памяти этого выдающегося человека, столь же мудрого, как сами шахматы.

Бриллиантовая заколка

Третий чемпион мира по шахматам Хосе Рауль Капабланка

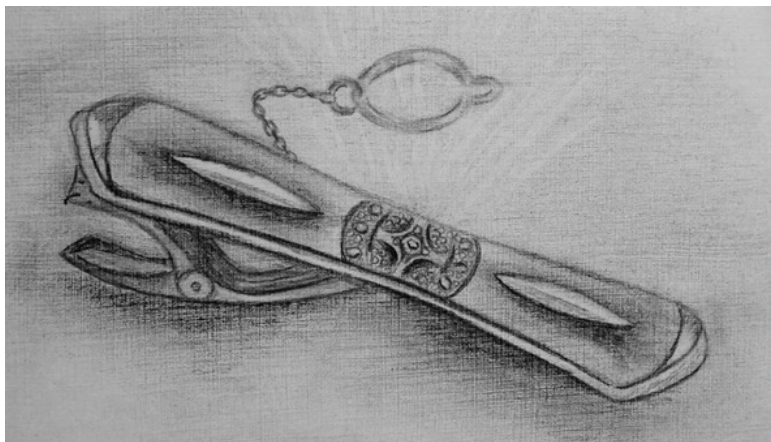
Торжественная церемония закрытия шахматной олимпиады 1939-го года в Буэнос-Айресе подходила к концу. Снова, как и в далеком 1927-ом году, когда здесь проходил матч за звание чемпиона мира, столица Аргентины стала на время столицей шахмат. Двадцать семь сборных команд из разных стран, восемьдесят самых сильных шахматистов планеты собрались в этом городе, чтобы определить сильнейшую команду. Каждые два года проводится этот великолепный шахматный праздник, на котором играют красивей-

шие партии, внимание любителей шахмат всего мира приковано к нему. Кроме спортивной борьбы, он интересен еще и тем, что дает возможность встретиться старым друзьям, укрепить старые связи и создать новые.

Что и говорить, прекрасное это событие – шахматная олимпиада, но на этот раз оно было омрачено началом ужасной катастрофы. Германия напала на Польшу, после чего Франция и Великобритания немедленно объявили ей войну. Всем было ясно, что началась мировая война, уже вторая в этом беспокойном столетии, и мысли большинства участников занимала именно она. Олимпиада открылась 24 августа, а 1 сентября участники получили ошеломившую их новость. До шахмат ли теперь, когда в Европе бомбят города и гибнут тысячи людей? Может быть, следует прервать олимпиаду и разъехаться по домам? Так и поступила сборная Великобритании, но остальные остались. Олимпиада продолжалась, только команды Франции и Польши отказались играть с командами Германии и Чехии-Моравии, ее протектором. Праздник заканчивался, а перед многими его участниками вставал мучительный вопрос – что же им делать дальше.

Сказав все полагающиеся слова, главный судья соревнований приступил к самой приятной процедуре. Он достал из кармана бархатную шкатулку и торжественно объявил имя победителя в индивидуальном зачете, которому один из меценатов установил специальный приз – великолепную

бриллиантовую заколку.

Бриллиантовая заколка. Иллюстрация Марины Евтушенко

– На сцену приглашается капитан сборной Кубы Хосе Рауль Капабланка-и-Граупера! – провозгласил судья, и улыбающийся, импозантный экс-чемпион мира под общие аплодисменты вышел на сцену. Несмотря на свой уже немолодой возраст, он был по-прежнему стройным и красивым мужчиной, от которого были без ума женщины всех возрастов. Победитель в шахматах и покоритель женских сердец. Но у него самого в сердце уже несколько лет безраздельно властвовала только одна женщина.

В тот момент, когда судья прикалывал ему к галстуку дра-

гоценную награду, Капабланка посмотрел в зал и встретился глазами со своим вечным соперником. Александр Алехин, не отрываясь, смотрел на него, и в неукротимых голубых глазах чемпиона мира ясно читались огорчение и досада. Хосе Рауль счастливо улыбнулся. Ради этих мгновений стоило ехать сюда, терпеть разлуку с Ольгой, выносить огромное напряжение соревнований самого высокого уровня. Пусть Вы по-прежнему чемпион мира, господин Алехин, пусть Аргентина помнит его поражение в 1927 году, но этот бриллиантовый приз получил все же он, Капабланка, в том же самом городе, в котором у него Алехин отобрал шахматную корону. Пусть это не настоящий реванш, но все же реванш, и произошел он благодаря Ольге.

Странный поворот судьбы. Один русский человек его чуть было не уничтожил, а другая русская женщина вновь возродила к жизни, разбудила к восторгу всего шахматного мира спящий вулкан его огромного таланта. И вот уже опять все считают ближайшим претендентом на шахматный престол именно Капабланку. Теперь он вполне имеет право вызвать на матч Алехина, и он это обязательно сделает. Или сейчас, когда он в прекрасной спортивной форме, или уже никогда. Аргентинские газеты пишут об их матче, как о чем-то решенном. *«Дайте Капабланке вновь сразиться с Алехиным, тем более, что он так и не использовал свое право на матч-реванш!»* – писали в одной газете. Другое издание сообщало публике, что стороны о матче уже договорились, мецена-

ты выложили деньги на призовой фонд, и пройдет матч-реванш именно в Буэнос-Айресе. Но уж кто-кто, а Хосе Рауль прекрасно знал, как далеко от этих разговоров до реального матча за звание чемпиона мира, через какие препоны надо пройти претенденту, чтобы оказаться за шахматной доской лицом к лицу с Алехиным. Ольга бредит его возвращением на шахматный трон, хочет стать шахматной королевой. А хочет ли этого он сам? Себе Капабланка ясно отдавал отчет, что ему ужасно не хочется тридцать раз садиться играть против Алехина. Он и на этой олимпиаде от встречи с ним уклонился, используя законное право на замену игрока. Русский чемпион сделал с ним худшее, что можно было сделать с таким человеком, как Капабланка. Он отнял у него веру в свою счастливую звезду. А ведь как хорошо все начиналось...

Маленький Хосе Рауль играет в шахматы со своим отцом

Если бы в 1892 году скромному отставному офицеру Хосе Марии Капабланке сказали, что его четырехлетний сын Хосе станет знаменитым на весь мир шахматистом, он бы страшно удивился. Сам он никогда не блистал особым талантом в шахматах, хотя очень любил эту древнюю игру и живо интересовался всеми шахматными новостями. Он с удовольствием усаживался после ужина в тени со своим соседом, чтобы сыграть с ним пару партий, а заодно обсудить, к примеру, как Стейниц в очередной раз отразил натиск русско-

го виртуоза Чигорина. Подумать только, ведь этот русский был в шаге от победы, и вдруг просмотрел элементарный мат в два хода!

В один из таких вечеров, когда старые приятели уселись играть, в комнату вошел четырехлетний Хосе. Глаза его раскрылись в изумлении, когда он увидел, что взрослые расставили на доске резные деревянные фигурки и устроили игрушечное сражение. По полю боя скакали боевые кони. Носились, сметая все на своем пути, мощные башни, которых взрослые в редких восклицаниях называли ладьями. Короли робко жались в углу доски в окружении своих солдат, а красивые высокие фигуры с резными венчиками, которых называли ферзями, издалека грозили неприятельским королям. Весь вечер Хосе наблюдал за игрой и запоминал, как ходят фигуры, а на следующий день все повторилось. Вновь по полю через клетки скакали кони, слоны-офицеры держали под прицелом черные и белые диагонали, а солдаты-пешки упорно шли вперед, чтобы чудесным образом превратиться в ферзей. Когда сеньор Капабланка в очередной раз одержал победу в жаркой битве, и противники расставили фигуры в первоначальное положение, вдруг раздался голос маленького Хосе:

– Папа, а ведь ты сыграл нечестно!

– Что ты такое говоришь? – возмутился отец, – Да как ты смеешь?

– Да, – со слезами настаивал мальчик, – ты сделал неправильный ход, твой конь убил ферзя, но он так не может ходить!

Оказалось, что взрослые в пылу сражения не заметили, что сеньор Капабланка сделал невозможный ход конем, а маленький Хосе не только заметил это, но и по памяти воспроизвел на доске все ходы последней партии. После этого Капабланке-старшему ничего не оставалось, как лишь сыграть партию с сыном. Самоуверенный родитель дал Хосе Раулю в качестве форы ферзя и... проиграл четырехлетнему ребенку, который играл в шахматы впервые в жизни. Сеньору Капабланке все стало ясно: его сын оказался вундеркиндом. Его гениальность в шахматах была примерно равна гениальности Моцарта в музыке. Надо отдать должное отцу Хосе Рауля. Он понял, какое сокровище ему доверено. Этот мальчик еще станет гордостью Кубы, но его талант надо беречь и развивать, не допуская столь вредных для его возраста перегрузок. Лишь через год отец отвел его в шахматный клуб в Гаване, и там пятилетний ребенок, получив ферзя вперед, выиграл у взрослого мастера Иглесиаса. Тогда же он, опять-таки имея в качестве форы ферзя, в двух партиях победил известного европейского мастера Таубенгауза. Когда Хосе Раулю было восемь лет, его семья на три года покинула Гавану, а по возвращении были организованы его встречи с сильнейшими шахматистами Кубы. Подросток оказался сильнее

всех и уступил лишь действующему чемпиону страны Хуану Корсо, и это притом, что он совершенно не изучал теорию.

У Капабланки оказался тот таинственный талант, который проявляется у очень немногих людей. Равных ему по шахматному чутью и интуиции просто не было. Все сильнейшие шахматисты приобретали силу игры в результате упорных занятий, а Капабланке не нужно было заниматься, готовиться, корпеть ночами над анализом позиций отложенных партий. Он просто «видел», и все.

Уже в 1901 году, когда ему было двенадцать лет, он победил в матче Корсо. В 1904 году семья переехала в Нью-Йорк, и Хосе Рауль стал завсегдатаем Манхэттенского шахматного клуба. Через два года после переезда Капабланка стал студентом Колумбийского университета, но не химическое машиностроение занимало его ум, и два года спустя он бросил университет, чтобы сосредоточиться на шахматной карьере. В 1906 году он победил в блиц-турнире с участием чемпиона мира Эммануила Ласкера, а три года спустя разгромил в матче одного из сильнейших шахматистов мира – чемпиона США Фрэнка Маршалла. Покоренная Америка склонилась к ногам юного чемпиона, но оставалась еще враждебная и недоверчивая Европа.

Дебют Капабланки в Европе состоялся в 1911 году на крупном международном турнире в Сен-Себастьяне. На этом турнире играли все сильнейшие шахматисты мира, за исключением Ласкера. Молодого кубинского гросс-

мейстера уже знали благодаря его победе над Маршаллом, но некоторым мастерам, в числе которых был и знаменитый Арон Нимцович, его успехи показались недостаточными для принятия участия в соревнованиях столь высокого уровня.

– Капабланка недостойн играть в турнире такого состава! – надменно заявил гроссмейстер Бернштейн и очень скоро жестоко поплатился за свои слова. Хосе Рауля в виде исключения все же допустили к участию в соревнованиях, и по воле случая его первым соперником оказался именно Бернштейн. Кубинец разгромил его так, что получил специальный приз за красоту победы. В итоге Капабланка убедительно выиграл турнир, опередив на пол-очка великого Акибу Рубинштейна. Теперь уже притихли злые языки и в Европе. Капабланка предстал перед Европой и всем миром в ослепительном сиянии своего огромного шахматного таланта, и вот уже все громче звучат голоса его сторонников, которые требуют его матча с Ласкером.

А что же Ласкер? Чемпион мира откровенно не хотел играть матч с опасным претендентом. Пользуясь своим правом чемпиона, он выставлял все новые и новые условия для проведения матча. Когда же Капабланка в письме к нему назвал одно из условий «очевидно несправедливым», Ласкер обиделся и потребовал извинений через прессу. Коса нашла на камень. Конфликт двух шахматных корифеев продолжался до 1914 года в Санкт-Петербурге, где Хосе Рауль взял второй приз, уступив только Ласкеру.

– Результат петербургского турнира ясно показал всем, кто имеет первоочередное право на матч с Ласкером, ведь третьего призера, Алехина, Капабланка опередил на целых три очка, – говорили сторонники кубинца.

– Так то оно так, но ведь все-таки чемпион мира, а не Капабланка, стал победителем турнира», – возражали им поклонники Ласкера, – и не рано ли сбрасывать со счетов других сильных мастеров? Ведь Тарраш, к примеру, выиграл партию у Капабланки в финале турнира. И где полная уверенность, что он сильнее Рубинштейна или Алехина?

Что мог противопоставить возражениям скептиков Хосе Рауль? Только свои красивые победы в матчах и турнирах. Перед возвращением из Европы он убедительно выиграл у Ласкера блиц-матч из 10 партий, затем в Нью-Йорке выигрывает подряд четыре турнира. Пока в Европе бушует пожар мировой войны, Капабланка, пользуясь своим положением кубинского дипломата, свободно и комфортно передвигается по миру, играет в турнирах, проводит победные матчи, набирается драгоценного опыта, оттачивает свою филигранную технику. Правда, он не встречался за доской с крупными европейскими мастерами, но зато по полной программе разобрался со всеми американскими соперниками. Фрэнк Маршалл, к примеру, девять лет «носил за пазухой» острую домашнюю заготовку в испанском дебюте, ожи-

дая случая применить ее именно против Капабланки. Наконец, такой случай ему представился в 1918 году на турнире в Нью-Йорке. Этот вариант испанской партии вошел в историю, как атака Маршалла. И что же дала Маршаллу его хитроумная домашняя заготовка? Поражение! Гениальная интуиция кубинца свела на нет все его многолетние усилия. Капабланка разобрался в сложнейшей позиции за доской и переиграл сильного противника.

Когда отгремели последние залпы войны, и в истерзанной Европе, наконец, воцарился мир, у Ласкера остался один единственный претендент – Капабланка. Он был молод, талантлив и полон сил, а Ласкер жил в побежденной стране и находился в тяжелой депрессии. Он не хотел играть с кубинцем, но и для отказа ему в матче уже не было никаких оснований. И тогда чемпион мира публично отказался от своего звания в его пользу. *«Капабланка завоевал это звание не формальным вызовом, а своим выдающимся мастерством»* – так написал в своем заявлении Ласкер, но шахматный мир не принял его добровольной отставки, да и сам Хосе Рауль был не намерен принимать титул без борьбы. Атаки на Ласкера продолжались. Кубинское правительство заявило, что берет на себя все расходы по организации матча и обеспечивает его участникам призовой фонд. Последнее обстоятельство, видимо, сильно повлияло на решение Ласкера все-таки играть этот матч, поскольку все его сбережения в немецких банках сгорели в огне чудовищного финан-

сового кризиса.

– Хорошо! – заявил Ласкер, – я буду играть, но от своего отречения отказываться не намерен. Капабланка должен играть этот матч в статусе действующего чемпиона мира.

Все это выглядело весьма двусмысленно, но Капабланка и тут нашел единственно правильный выход.

– Хорошо, – сказал он, – доктор Ласкер, как Вам будет угодно. Я не стану с Вами спорить, но сам себя чемпионом мира буду считать только после победы в матче.

Капабланка и Ласкер за шахматной доской

Таким образом, согласно желанию Ласкера, чемпионом мира перед началом матча объявили Капабланку. И начался матч. Ласкер вовсе не собирался сдаваться без боя. Он атаковал, он рисковал, он усложнял позиции, пытался нащупать

бреши в обороне противника, но все его усилия, как волны о скалу, разбивались об изумительную, доведенную до совершенства технику кубинца. Куда же подевалась его буйная, порожденная тропическим климатом фантазия, благодаря которой он в былые времена создавал фантастически красивые комбинации? Она осталась при нем, но для Капабланки отныне главным в шахматах стал спортивный результат. Тот, кто атакует и комбинирует, тот неизбежно рискует, а Хосе Рауль больше не хотел рисковать. Тончайшими маневрами в дебюте и миттельшпиле, не идя на рискованные продолжения, он достигал едва заметного позиционного преимущества, а потом наращивал его шаг за шагом с неумолимостью взведенного часового механизма бомбы и доводил партию до победного результата. Именно тогда Капабланку впервые называли шахматной машиной. Ласкера такая игра претендента буквально ставила в тупик. Он ничего не мог ей противопоставить и терял психологическое равновесие, а тут еще эта изнуряющая гаванская жара. Чемпион мира проиграл пятую, девятую, одиннадцатую и четырнадцатую партию. После четвертого проигрыша он отказался от борьбы и провозгласил кубинца новым чемпионом мира.

– Ура новому чемпиону мира! – воскликнул побежденный вельтмейстер так же, как этот когда-то сделал Вильгельм Стейниц, проиграв матч двадцатилетнему Эммануилу Ласкеру.

Трудно описать то ликование, которое охватило Кубу. Ка-

пабланка стал ее национальным героем. Его отец мог торжествовать: не зря он сделал когда-то недозволенный ход конем. А сам Хосе Рауль в тридцать три года получил все, о чем только можно было мечтать: славу, деньги, respectable положение, восторженное почитание поклонников его огромного таланта и несметного числа поклонниц его неотразимого обаяния. Молодой и красивый чемпион мира, всегда вежливый, галантный, доброжелательный и остроумный, он был обречен на бешеный успех у женщин. Можно ли его после этого винить за многочисленные романы, от которых его не мог уберечь совершенный вскоре после матча брак с надменной светской красавицей Глорией Симони Бетанкур из очень богатой и влиятельной кубинской семьи? Жена подарила ему сына и дочь – Хосе и Глорию. Но она не могла подарить ему душевного тепла, спокойствия и семейного уюта. Увы, он не был счастлив в браке, но при этом получить его даже мимолетное внимание почитали за честь первые красавицы мира. А что же шахматный мир? Склонился ли он со смирением к ногам своего нового молодого короля?

– Разгромить великого Эммануила Ласкера с сухим счетом – это не шутки, такое еще никому не удавалось! Разве это не доказывает, что Капабланка – сильнейший шахматист планеты? – говорили его поклонники.

– Да вы посмотрите, в каком состоянии играл Ласкер, –

возражали скептики, – разве его можно узнать в этой игре? А какую грубую ошибку он допустил в последней партии матча! Грубый просмотр, вызванный изнуряющей жарой. Нет, Капабланка должен доказать свое превосходство в турнирах.

Новый чемпион мира и не собирался почивать на лаврах. Следующий после завоевания титула год он начал с турне по США, где провел множество сеансов одновременной игры. Чего стоил один только сеанс в Кливленде, где он из 103 партий выиграл 102 и лишь одну свел вничью! Хотите побед в турнирах, господа скептики? И Капабланка в том же году выигрывает крупнейший международный турнир в Лондоне, в котором участвовали все сильнейшие шахматисты мира за исключением Ласкера. После Лондона умолкли все недоброжелатели кубинца, зато его поклонники в прессе наделяли его самыми восторженными эпитетами: непобедимый чемпион всех времен, неподражаемая шахматная машина, шахматный Моцарт... Природная самоуверенность Капабланки превратилась в непоколебимую веру в свою непобедимость и исключительность. Она помогла ему и в турнирах. Даже опытные мастера, садясь играть против чемпиона мира, начинали нервничать и допускали ошибки, а ошибок Капабланка не прощал. Малейший просчет, и вот уже на тебя медленно, но неотвратимо начинает надвигаться паровой каток совершенной и грозной шахмат-

ной машины, чтобы расплющить и уничтожить. При его тактике сыграть с кубинцем вничью было вполне возможно, если не делать ошибок. А вот выиграть хотя бы одну партию у Капабланки даже для гроссмейстеров уровня Рубинштейна и Нимцовича казалось делом немыслимым. *«Белыми на выигрши, черными – на ничью»* – таким стал отныне его девиз. Право первого хода – это хоть и крохотное, но преимущество. В руках такого виртуоза, как Капабланка оно шаг за шагом реализуется сперва в позиционное превосходство в миттельшпиле, а уж потом виртуозная техника кубинца доведет партию до победы в эндшпиле. А от малейшего риска он укроется в ничейной гавани. Не прошибешь его оборону. Да и как его атаковать при его гениальной интуиции и совершенной технике? Атакующий неизбежно ослабляет свои тылы, он идет ва-банк. Пан и или пропал! Но вот выдохлась твоя атака без результата – и что? Ты понес тяжелые материальные потери, а кубинец в порядке. Сидит за доской и вежливо улыбается. А партия проиграна. После проигрыша партии Оскару Чайесу в 1916 году за девять лет Капабланка проиграл только три раза. Первый раз чешскому гроссмейстеру Рети в 1924 году на международном турнире в Нью-Йорке, но тогда чемпион мира был болен гриппом и играл с высокой температурой. Два других его сенсационных проигрыша случились в 1925 году на международном турнире в Москве, где он совершенно неожиданно проиграл Ильину-Женевскому и Верлинскому. Всего три проигрыша

рядовых турнирных партий за столько лет! Это был поистине страшный результат. Можно ли было кому-то рассчитывать выиграть у кубинца матч, если ни один из реальных претендентов на шахматную корону, к которым Рети, Верлинско-го и Ильина-Женевского отнести было никак нельзя, ни разу у него не выиграл ни одной партии? Да и кто при таком раскладе даст претенденту на матч огромную сумму в десять тысяч долларов золотом по новым правилам, установленным Капабланкой? В двадцатые годы это было огромное состояние, ни у одного шахматиста с мировым именем таких денег не было. Вся надежда была только на меценатов.

Условия матча на звание чемпиона мира, разработанные Капабланкой и его командой, были объявлены гроссмейстерам на лондонском турнире и сразу же повергли их в глубокое уныние. Матч должен был игратья до шести побед при любом количестве ничьих. Мыслимое ли это дело – шесть раз выиграть у Капабланки, и это еще при условии, что удастся собрать такую чудовищную сумму? И пусть его обвиняют в том, что он спрятался за «золотым валом», ставить условия проведения матча всегда было прерогативой чемпиона мира.

Да, это был прекрасный период в жизни Хосе Рауля. Трон его казался незыблемым и прочным. Он разъезжал по всему миру с лекциями и сеансами, его с восторгом принимали почитатели в разных странах, и особенно в СССР, где он даже снялся в роли самого себя в художественном фильме «Шах-

матная горячка» режиссера Пудовкина.

Х. Р. Капабланка в фильме «Шахматная горячка»

Капабланка давал сеансы одновременной игры руководителям государства, включая Ворошилова, Крыленко и Куйбышева. Случилось, правда, в Ленинграде одно досадное недоразумение: в сеансе он неожиданно для всех проиграл партию четырнадцатилетнему пионеру Мише Ботвиннику.

На международном турнире в Нью-Йорке 1926 года, в котором участвовали сильнейшие гроссмейстеры мира, вклю-

чая Алехина, Нимцовича и Маршалла, Капабланка одержал убедительную победу, опередив второго призера, Алехина, на целых два с половиной очка. Казалось бы, кто может посметь бросить ему вызов сейчас, когда он находится в зените славы, на пике шахматного могущества? Но вот в 1927 году громом среди ясного неба пронеслось сенсационное сообщение: Александр Алехин обеспечил финансовую сторону матча с Капабланкой.

Знатоки недоумевали. Кто мог раскошелиться на этот матч? Слов нет, Алехин – шахматист сильный, интересный. В 1925 году он добился выдающихся турнирных успехов, одна его победа в Баден-Бадене чего стоит. Шахматный мир дал ему неофициальные титулы «чемпиона Европы», «чемпиона 1925-го года», «гения шахматных комбинаций». Понятно, что он ближайший претендент, если не считать Ласкера, который играть матч-реванш не желает. Но можно ли всерьез предполагать, что русский гроссмейстер одолеет Капабланку? Ведь он ни разу в жизни еще не сумел у него выиграть ни одной партии! Это же мнение разделял и сам Хосе Рауль. Оказалось, что деньги выделило правительство Аргентины – страны, которая целиком и полностью была на его стороне. Аргентинцы просто хотели еще раз насладиться триумфом своего любимца, отпраздновать его блестящую победу, в которой они нисколько не сомневались, а заодно и проучить дерзкого претендента, чтобы другим было не повадно посягать на шахматную корону их великого

дона Хосе.

Мало, кто сомневался в победе действующего чемпиона мира. Конечно, отдавали должное и мастерству русского шахматиста, но во всех статьях так или иначе сквозила уверенность, что Алехин в итоге будет разбит. Это будет интересная борьба двух выдающихся мастеров, которая порадует любителей шахмат всего мира красивыми партиями, прежде чем Капабланка одержит победу. Примерно так. Впоследствии Хосе Рауль пришел к выводу, что его погубили собственная излишняя самоуверенность и все эти неумные восхваления. Недооценка противника – страшная ошибка. Готовился ли он к матчу с Алехиным? Изучал ли его партии, его стиль, сильные и слабые стороны? Нет. Он вообще никогда не готовился ни к турнирам, ни к матчам. Как обычно, он понадеялся на свой талант, интуицию, великолепную технику. А вот Алехин готовился к этому матчу не один год. Он, как выяснилось впоследствии, знал Капабланку лучше, чем сам Капабланка. Но все это было потом, а поначалу ничто не предвещало беды.

Хосе Рауль прибыл в Буэнос-Айрес за месяц до начала матча. Он очень любил столицу Аргентины, которая раскинулась на берегу Ла-Платы ровными квадратами, словно шахматная доска. Любил он и жизнерадостных аргентинцев, которые устроили ему торжественную встречу. Судья соревнований, доктор Кваренцио, предоставил ему свой большой дом, не взирая на возможные кривотолки. Особенно при-

ятно было то, что он встретил свою старую любовь – известную актрису Кончиту Веласкес. Он по-прежнему был ее кумиром, ее неподражаемым и гениальным Хосе. Неумолимое время, прошедшее с момента их последней разлуки, хоть и оставило свои следы на ее красивом лице, придали ей мудрости, которая позволила ей стать для Капабланки настоящим другом. Счастливым месяц в общении с Кончитой и аргентинскими друзьями, которые предвкушали его скорую блестящую победу, пролетел, как один день.

И вот, настал день открытия матча, 15 сентября 1927 года. Хосе Рауль был в прекрасном, идеально подогнанном по его статной фигуре, черном костюме. Его мягкие движения и обаятельная улыбка вызывали всеобщее восхищение. А Алехин... он тоже неплохо выглядел, но был немного скован, не знал, куда девать руки. Да и вообще, кто может сравниться с великолепным и неподражаемым доном Хосе? Когда настал момент жеребьевки, президент зажал в кулаках две пешки и предоставил возможность выбора чемпиону мира. Капабланка плавно дотронулся до левого манжета президента, и в раскрытой ладони оказалась белая пешка. Ничего удивительного, он всегда был счастливецом. Это был хороший знак – начинать первую партию матча белыми. Капабланка был спокоен и уверен в себе. Ему всего тридцать девять, он в прекрасной форме, а своего противника он уже не раз побеждал в личных встречах на турнирах. Вот почему, когда президент обнял обоих противников после жеребьев-

ки и сказал: «*Завтра за работу, сеньоры!*», Хосе Рауль ответил: «*Мне работать не нужно. Пусть сеньор Алехин трудится!*».

Первая партия матча Капабланка-Алехин за звание чемпиона мира по шахматам

Лучше бы он этого не говорил! Эта ужасная первая партия, от воспоминания о которой Капабланку пробирала дрожь еще долгие годы... Чемпион мира сел играть, спокойный и уверенный в себе, и вдруг Алехин в результате хитрой комбинации выигрывает у него пешку. Ладно, ничего страшного, начнем матч с ничьей, успокаивал себя кубинец, но вскоре он убедился, что тут и ничью сделать не так просто. Алехин играл не просто хорошо. Он играл великолепно.

но, находил такие ходы, которые Капабланка при всей его гениальной интуиции не мог предвидеть. Хосе Рауль смотрел на противника с изумлением. Это был какой-то новый Алехин! Его шахматная сила удвоилась, утроилась, удесятерилась! Не зря он годами упорно изучал Капабланку, в то время как сам чемпион мира упивался своей славой. Обидно начинать матч проигранной партией, но хуже всего было то, что противник поселил в его душе страх. Это была демонстрация силы. Огромный и страшный русский медведь неожиданно встал перед ним во весь свой исполинский рост, и Капабланка дрогнул. Первую партию он отложил в безнадежной позиции просто для того, чтобы не огорчать своих поклонников в первый день матча.

Известие о проигрыше чемпионом мира первой партии, в которой у него к тому же были белые фигуры, стало для всего мира шоком. Такого никто не мог предположить, тем более сам Хосе Рауль. Все это только подогрело интерес к матчу. А Капабланка, сделав быструю ничью во второй партии, к третьей собрался силами и взял реванш за первую. Счет стал ничейным. Это его приободрило. Затем опять три быстрые гроссмейстерские ничьи, и вот в седьмой партии Алехин в результате блестящей атаки кубинца был буквально разбит. Как радовалась тогда Кончита! Они провели чудесный вечер в ресторане «Трампесон». Хосе Рауль, казалось, вновь обрел былую уверенность в себе, а его подруга уверяла, что именно она приносит ему удачу. Капаблан-

ка легко поверил в это. Он вообще верил в свою счастливую звезду. Казалось, что русский медведь больше не опасен, еще немного усилий, и матч счастливо завершится так, как он и должен завершиться. Это был последний вечер в течение матча, когда Хосе Рауль шутил и улыбался. Как же они ошибались тогда!

Девятая партия, хоть и закончилась вничью, стала переломной. Капабланка в ней решил объявить Алехину бой не на жизнь, а на смерть. Он сделал все, что было нужно для победы, играл так, как никогда до этого в жизни, во всю силу своего таланта и фантазии. Мало того, в этой партии он применил интересную новинку. И что же? Алехин своей неподражаемой игрой спас партию в положении, которое всем знаатокам казалось безнадежным. Кубинец со страхом понял, что он ничего больше не может поделаться со своим противником. На следующий день вновь «отдых» – быстрая ничья, и вот наступил день одиннадцатой партии. В девятой партии русский медведь показал всем, как он умеет защищаться, а в одиннадцатой – как он может быть страшен и стремителен в атаке. Это был разгром. Проигрыш в таком стиле для Капабланки был смерти подобен. Если после первой партии кубинец еще сумел психологически восстановиться, то после одиннадцатой он вошел в состояние «шахматного грогги» и на следующий день опять проиграл партию. Два поражения подряд!

В эти дни Хосе Рауль с горечью убедился, как непосто-

янные люди. Неожиданно вдруг выяснилось, что в Аргентине у Алехина множество поклонников, которые не боялись больше открыто держать его сторону. А потом, при счете 3:2 в пользу претендента, началась длинная череда ничьих, которая казалась всем лишь затишьем перед бурей. Все чаще Хосе Рауль с грустью говорил Кончите, что ему, по-видимому, не удастся выиграть этот матч, а ей все труднее было доказывать ему обратное. Чемпион мира дошел в своем отчаянии до того, что однажды в частном разговоре с Алехиным в присутствии Кончиты и секунданта соперника как бы невзначай сделал предложение прервать матч, объявить его ничейным. Удивленно поднятые брови претендента были ему надменным ответом. Такие предложения не делают при счете не в свою пользу. Тогда Капабланка еще раз собрал в кулак всю свою волю и предпринял серию отчаянных атак. В его игре были и интересные дебютные новинки, и изобретательность, и его прежняя искрометная фантазия, но все было тщетно. Противник был сильнее! Когда Хосе Рауль однажды во время игры посмотрел в его голубые глаза, он увидел в них холодную неумолимость победителя. Его тогда пробил озноб от этого взгляда, и он отчетливо осознал, что ему не спастись. Ему удалось, правда, выиграть еще одну, двадцать девятую, партию, но лишь в результате грубой ошибки противника в дебюте. Но как же тогда защищался этот русский! Капабланка невольно восхищался его защитой, лишь случайно не завершившейся успехом. Алехин же

выиграл еще трижды в таком блестящем стиле, что кубинец был буквально раздавлен. Последняя, тридцать четвертая, партия была отложена в безнадежной позиции. Он отложил ее просто для того, чтобы не видеть триумфа своего соперника.

В подавленном настроении Капабланка выходил из клуба. Толпа молча, с холодным и насмешливым любопытством расступалась перед ним. Кому интересен чемпион мира на один вечер? Хосе Рауль снова с горечью подумал о том, как преходяща слава, как непостоянны в своих привязанностях люди. С ним осталась только Кончита и несколько верных друзей. Чего можно ждать от людей? Они всегда любят победителей. Те же самые аргентинцы, которые так пылко его здесь встречали и превозносили, с равнодушием отвернулись от него. Теперь вся Аргентина с таким же энтузиазмом любила Алехина. Можно подумать, что с самого начала они болели именно за него! Ай да молодчина Алехин, как он разделал Капабланку! Ведь это благодаря Аргентине Алехин стал чемпионом! Ура новому чемпиону мира! С таким восклицанием негласно принято передавать корону новому шахматному королю. Нет, это было выше его сил. Хосе Рауль ограничился телеграммой, в которой он сдавал партию и желал Алехину счастья в звании чемпиона мира.

Он возвращался в Нью-Йорк в одиночестве, разбитый и уничтоженный, в ошеломляющем потрясении от постигшей его катастрофы. Как это могло случиться, спрашивал

он себя, ведь только что он с блеском победил на турнире в Нью-Йорке? Капабланка с удивлением обнаружил, что мир больше не крутится вокруг него, и по большому счету до него никому нет никакого дела. Выиграл ли он матч, или проиграл, жив ли он вообще или уже умер, людей не так уж сильно волнует. То, что для него трагедия, для них всего лишь интересная новость. Ему бы тогда отдохнуть, сделать перерыв в игре, успокоиться, осмыслить происходящее, сделать выводы, провести ревизию своего стиля и начать готовиться к матчу-реваншу, изучать Алехина так же, как тот изучал его самого. Ему бы понять, что время легких успехов прошло, что кроме таланта ему теперь необходимо и умение работать до седьмого пота, как это делал тот же Алехин. В этом случае поражение в Буэнос-Айресе могло бы стать для него тем очистительным рубежом, после которого мир бы узнал нового Капабланку, более сильного и мудрого шахматиста. Возможно, он бы еще вернулся на шахматный престол.

Увы, все произошло совершенно иначе. Капабланка заметался, «завибрировал», вместо того, чтобы критически осмыслить причины поражения, принялся доказывать всему миру, что оно было случайным, что всему виной его досадные ошибки в некоторых партиях. Он требует от президента шахматной федерации США организации срочного проведения матч-реванша! Зачем, казалось бы, так спешить, ведь Алехин обещал ждать его вызова ровно год – до 29 октября

1928 года? Но нет, он не мог ждать, ему надо было оправдаться перед миром сейчас, немедленно! Условия проведения матча его больше не устраивают: нужно ограничить число партий, уменьшить призовой фонд, увеличить продолжительность партий. Все это он излагает в письме президенту Международной шахматной федерации с тем, чтобы тот повлиял на Алехина. Но президент не мог и не хотел на него влиять. Алехин – чемпион мира, а Вы, сеньор Капабланка, теперь, простите, кто? Да и не Вы ли сами придумали «лондонские условия», когда были чемпионом? Не Вы ли требовали неукоснительного их соблюдения? Новый чемпион не обязан менять эти условия в угоду Вам.

«Я выиграл у Вас в честном и тяжелом бою шесть партий. И признаю сильнее меня только того, кто выигрывает шесть партий у меня!» – так написал ему Алехин. Что мог возразить на это Хосе Рауль? Тогда он, казалось, обиделся уже на сами шахматы и решил им отомстить. *«Шахматам грозит ничейная смерть. Правила игры необходимо существенно усложнить!»* – написал он в своей широко разрекламированной статье. Вы только подумайте, весело удивлялись любители во всем мире, тысячи лет люди играли в шахматы и всех правила устраивали. А тут вдруг пришел Капабланка и решил все изменить! И ведь действительно изменил, и даже сыграл матч с Гезой Мароци в новые шахматы: у каждого по четыре короля, восемь ладей, тридцать две пешки, доска шестнадцать на двенадцать. Тот матч Ка-

пабланка выиграл, но в глазах шахматной общественности потерял очень много. Его постепенно переставали воспринимать всерьез.

Тогда он оставил свою затею с реформой шахмат, поехал в Европу и принялся играть во всех турнирах, где это было только возможно. Какая же это была ошибка! Не нашлось у него настоящих друзей, которые подсказали бы, что не турниры ему сейчас нужны, а год серьезной подготовки к матч-реваншу, на который он имел полное право. Пусть он проиграл матч Алехину, рассуждали бы знатоки, но еще ни разу Алехин не становился выше Капабланки в турнирах. Его тяжелое психологическое состояние и нервное напряжение привели к тому, что он не мог играть с прежней силой, да и ореол непобедимости был утрачен. Его побеждали и Боголюбов, и Нимцович, на практике доказывая ошибочность его постулата о «ничейной смерти». Великолепная шахматная машина начала скрипеть и давать сбои. Все меньше интереса он вызывал, все больше превращался в рядового гроссмейстера, все меньше шансов оставалось на матч-реванш, тем более что Алехин, в отличие от него, побеждал во всех турнирах. Шахматная корона дала ему столько уверенности в себе, настолько увеличила силу его игры, что ни один из выдающихся гроссмейстеров мира не мог уже и мечтать о том, чтобы победить Алехина в матче. Капабланка все же несколько раз вызывал его на матч, но всякий раз у него ничего не получалось. Первый раз Алехин ему отказал, когда

кубинец послал ему вызов 8 октября 1928 года. Чемпион мира, «забыв» про свое обещание ждать вызова ровно год, сослался на более раннее обещание, данное Боголюбову. При этом мстительный вельтмейстер не упустил случая уколоть Капабланку напоминанием о том, как он действовал сам, находясь на шахматном троне.

Алехин буквально разгромил Боголюбова в матче, и это послужило для всех наглядным уроком. Капабланка еще несколько раз после этого вызывал его на матч, и Алехин даже соглашался, но каждый раз Хосе Рауль с огорчением убеждался, что ему просто не собрать на это состязание денег. Каким образом после длинной череды блестящих побед нового чемпиона мира он мог найти спонсора, готового выложить крупную сумму на безнадежное дело? Разве можно надеяться победить такого титана? Денег на матч не давала даже родная Куба. Пресловутый «золотой вал», который он воздвиг когда-то для защиты своего титула, теперь стал непреодолимой преградой для него самого. Его личные отношения с чемпионом мира ухудшались год за годом. Доходило до того, что Капабланка немедленно покидал помещение, если в нем появлялся Алехин.

Звезда его исторического противника, между тем, со временем разгоралась все ярче, и Хосе Рауль уже ясно отдавал себе отчет, что у него нет шансов победить Алехина в матче. Каждый раз, когда он вспоминал этот неумолимый алехинский взгляд, ему становилось не по себе, начиналось серд-

цебиение. Постепенно он оставил свои честолюбивые мечты о возвращении на шахматный трон, смирился со званием экс-чемпиона мира, да и вообще охладел к шахматам. Все реже его можно было увидеть за шахматной доской, теперь его больше занимал бридж. Вулкан шахматного дарования, когда-то восхищавший и поражавший воображение всех, казалось, потух навсегда. Что случилось с Капабланкой? Может быть, он болен? Такой вопрос задавали себе любители шахмат во всем мире и поклонники его таланта. Неужели он больше никогда не порадует их своей красивой игрой, фантастическими комбинациями, тончайшими маневрами? Ответа не было. Оставалось лишь ждать и надеяться на чудо.

Чудо, вернувшее его шахматному миру, имело красивое лицо с выразительными тонкими чертами, светлые каштановые волосы, стройную точеную фигуру и звучное русское имя. Княгиня Ольга Чегодаева, урожденная Чубарова, слышала и читала о Капабланке с раннего детства, его имя уже тогда поражало ее воображение тем, какой возвышенный тон принимали газеты, едва лишь заходила речь о кубинском гроссмейстере. Могла ли она тогда предположить, что станет его женой? Они встретились совершенно случайно в 1934 году в Париже. Капабланка зашел со своим приятелем в кабаре «Веселый кролик», что на Монмартре, и туда же привел Ольгу знакомый Хосе Рауля, сотрудник американского посольства. С первых минут общения между ними появились невидимые, но прочные нити, которые связывают порой людей

навсегда. Хосе Рауль понял, что встретил именно ту женщину, о которой мечтал всю свою жизнь, а Ольга никак не могла поверить, что кумир ее детства и юности, недосягаемая звезда с волшебным именем Капабланка-и-Граупера находится рядом с ней, танцует с ней и с восторгом на нее смотрит. Из кабаре они ушли вместе, чтобы никогда уже больше по возможности не расставаться.

Ольге в тот момент было 35 лет, за плечами были пережитые в России ужас и страдания, бегство за границу, неудачное замужество. Опытная и умная женщина, она сразу же взяла верный тон в общении с Капабланкой. Ему, как и прежде, было необходимо восхищение и поклонение, а ей было совсем нетрудно ему это дать, потому что она его искренне любила. Очень скоро Хосе Рауль уже не мог помыслить без нее своей жизни. Без сожаления ушел он от нелюбимой жены, но оформить брак с Ольгой они сумели лишь через четыре года, в 1938 году. Ее влияние на него было огромным, и постепенно она сумела полностью подчинить своей воле этого свободолюбивого и самоуверенного покорителя женских сердец.

– Другие женщины? – говорил Капабланка друзьям, – зачем мне тратить на них драгоценное время, которое я могу провести рядом с Ольгой?

Х. Р. Капабланка и княгиня Ольга Чегодаева

Именно благодаря ее настойчивости и вере в него Хосе Рауль вернулся к серьезным занятиям шахматами. Мудрая женщина, она понимала, что одна только любовь не спасет Капабланку от губительной скуки и праздности. Его огромный потенциал и нерастроченные силы, которые она высвободила из-под гнета многолетней депрессии, требуют выхода. Так пусть же он потратит их на то, чтобы вернуться на шахматный трон.

– Почему ты не участвуешь в турнирах, Хосе? – спросила она однажды, когда они прогуливались по улицам Кельна.

– Они мне приносят мало радости, дорогая, – печально ответил он ей.

– Но почему?

– Потому что свергнутому королю неприятно возвращаться в королевство, которое у него отняли.

– А если он снова станет королем?

– У меня на это нет шансов, – покачал головой Капабланка, – пять лет я ожесточенно бился за свои права и ровным счетом ничего не достиг. Я устал, я даже разлюбил шахматы.

– Но тогда ты был один, ты был болен, а теперь у тебя есть я! И я хочу, что ты снова серьезно занялся шахматами.

– Но зачем это тебе надо? Ведь шахматы будут отнимать меня у тебя.

– Я хочу этого! – воскликнула она. – Мне нужно, чтобы ты вновь стал шахматным королем, а меня сделал шахматной королевой.

Капабланка был потрясен. Его любимая, оказывается, лелеяла честолюбивые планы. Но как же ему это было все близко и понятно!

– Хорошо, дорогая! – пообещал он ей. – Ради тебя я вернусь в шахматы и снова завоюю звание чемпиона мира.

И Хосе Рауль приступил к выполнению своего обещания. Первым делом он купил шахматную доску, которой у него дома никогда не было, поскольку он не проводил никаких домашних анализов. Он обложился справочниками по дебютам и принялся изучать партии, сыгранные за последние три года сильнейшими гроссмейстерами мира.

На первом турнире, в котором он сыграл после долгого

перерыва, он занял всего лишь четвертое место. Такой же результат был и на московском турнире через два месяца. Однако специалисты отмечали, что его игра изменилась к лучшему, стала более активной и смелой. Все меньше он делал коротких ничьих, все более опасным становился для соперников. Шахматный титан постепенно пробуждался к жизни. Ольга почти на всех турнирах находилась рядом с ним. Сосредоточенная и безмолвная, она изучала ход партии не по демонстрационной доске с магнитными фигурками, а по малейшим изменениям в выражении лица мужа. Нахмурился ли он, прищурился и откинулся, улыбнулся или наморщил лоб – она почти безошибочно определяла, как идут его дела. Она быстро поняла, насколько жестоки на самом деле эти безмолвные сражения, какие нешуточные страсти кипят внутри этих воспитанных и вежливых людей. Противник Капабланки во время игры становился ее личным врагом. Когда Хосе Рауль выигрывал, она была счастлива, а когда проигрывал, испытывала самое настоящее горе и упрекала себя в том, что не смогла уберечь его от беды.

По счастью, проигрышей было все меньше, а красивых побед все больше. Его стиль игры изменился. Экс-чемпион мира постепенно восстанавливал высочайший уровень своего технического мастерства, но в его партиях появилось больше фантазии, эффектных жертв, хитроумных комбинаций. Через несколько лет Капабланку снова считали одним из сильнейших гроссмейстеров планеты.

Шахматный вулкан проснулся к искренней радости любителей всего мира. Огромное дарование в сочетании с обретенной мудростью и душевным равновесием, которому он в немалой степени был обязан любящей и верной жене, вновь делало его реальным претендентом на шахматный престол. Но как добиться матча с Алехиным? При их отношениях с чемпионом мира это было практически невозможно.

И вот, наконец, в 1935 году случилось событие, которое вполне могло сделать мечту Ольги реальностью. Алехин проиграл матч голландскому гроссмейстеру Максу Эйве. О кризисе в игре Алехина говорили уже давно. Он очень хорошо начал матч, но потом начал проигрывать партию за партией и в итоге лишился звания чемпиона мира. Причины его поражения многим знатокам были хорошо известны: Алехин стал пить. Доходило до того, что он был пьяным во время игры. Шахматы не прощают такого отношения, и Алехин был ими наказан. Чемпионом мира стал Эйве, который не раз говорил, что считает ближайшим претендентом на шахматный престол именно Капабланку. Огорчало, правда, то, что через два года должен был состояться матч-реванш, но Хосе Рауль надеялся, что Алехин не сумеет восстановить свою форму и вновь проиграет спортивному и уравновешенному голландцу. А пока надо играть и побеждать в самых крупных турнирах, необходимо доказать всему миру, что именно он, возрожденный Капабланка, лучший шахматист планеты.

И он стал играть так, как не играл уже долгие годы.

В 1936 году состоялся московский международный турнир, на который были приглашены все сильнейшие шахматисты, включая Алехина, но тот не захотел появляться в Москве в статусе экс-чемпиона. Тем лучше было для кубинца, ибо он твердо решил взять первый приз.

– Я буду играть на победу, – говорил он Ольге в день отъезда, завязывая галстук перед зеркалом.

– Я верю в твою победу, – отвечала ему жена.

– Мне очень жаль, что ты не поедешь вместе со мной, – говорил Хосе Рауль, – я привык, что ты всегда рядом.

– Прости, Хосе, но я не могу. Я боюсь.

Капабланка не настаивал. Он понимал, что после того, что пришлось пережить ее семье, когда случилась эта их революция, поехать на Родину даже в статусе его законной жены было выше ее сил.

Непростую задачу он себе поставил. В Москве собралась десятка сильнейших мастеров, включая Ласкера, Флора, Боголюбова и Ботвинника. Правда, Ласкер был, пожалуй, уже не так опасен в силу преклонного возраста, но Михаил Ботвинник, тот самый выигравший у него в Ленинграде пионер, играл очень сильно.

Партия Капабланка-Ботвинник на турнире 1936 года

Прекрасно начал Капабланка этот турнир и сразу же стал его лидером. Сильнейшие противники были вынуждены написать на бланке слово «Сдаюсь», в том числе и Ботвинник. Кубинец играл так, будто он снова стал тем непобедимым Капабланкой, «чемпионом всех времен», легендарной «шахматной машиной». В последний день турнира, который проходил в Колонном зале Дома союзов, Капабланка играл с очень сильным гроссмейстером Эрихом Элисказесом, а Ботвинник, отстававший от него всего лишь на полочка, – с советским гроссмейстером Левенфишем, который был явно его слабее. Ничья с Элисказесом в случае победы Ботвинника над Левенфишем означала, что первый приз им придется поделить на двоих. Это была интересная интрига, и Колонный зал был набит зрителями до отказа. Капабланка немного задержался, минут на пятнадцать, а когда появился на сцене, вид у него был совершенно безмятежный, как буд-

то эта партия не решала судьбу первого приза. У него были белые фигуры. Противники разыграли итальянскую защиту, которая обычно заканчивается ничьей. Именно так и решили наблюдавшие за партией москвичи, но вот у белых обозначился едва заметный позиционный перевес. Ход за ходом это преимущество наращивалось с неумолимостью часового механизма до победного завершения партии. Точность его маневров была поразительна. Перед глазами восхищенных зрителей на сцене сидел прежний великолепный Капабланка, непобедимая «шахматная машина». Элисказес остановил часы, Хосе Рауль пожал ему руку, поднялся с места и, не обращая внимания на бурные аплодисменты, ушел за кулисы. Это был триумф! Его нашли, снова заставили выйти на сцену, долго не отпускали, вновь он был вынужден принимать поздравления, восхищенные женщины дарили ему цветы. В очередной раз кубинец убедился, что Москва является шахматной столицей мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.